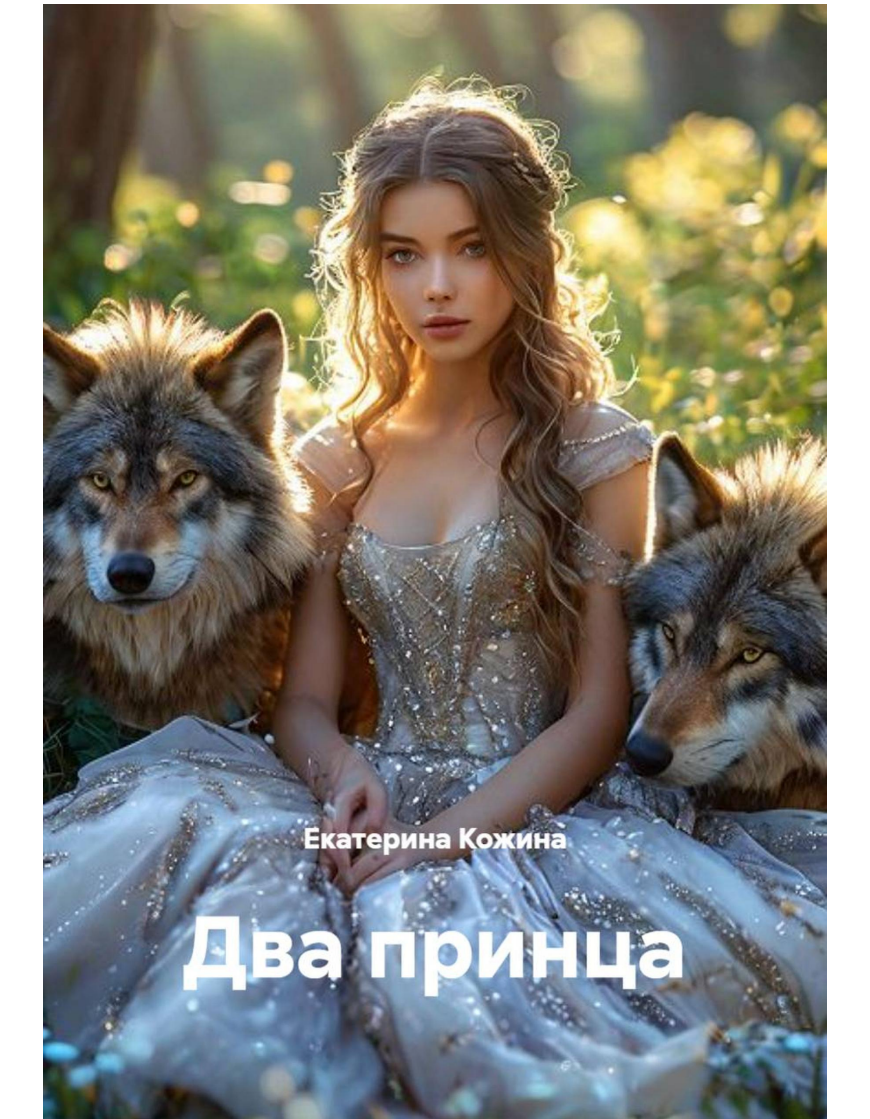

A woman with long, wavy, light brown hair is sitting in a sunlit forest. She is wearing a shimmering, silver, sequined dress with a low neckline. She is flanked by two large, realistic-looking wolves. The wolf on the left is looking towards the camera, while the wolf on the right is looking down. The background is a soft-focus forest with sunlight filtering through the trees, creating a warm, golden glow.

Екатерина Кожина

Два принца

Екатерина Кожина

Два принца

<https://litres.ru/74462018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Младшую принцессу Лилиан отдают замуж в дикое королевство Оботорней. Ей предстоит навсегда покинуть свой дом и стать женой сразу двух принцев.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	55
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	89
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Екатерина Кожина

Два принца

Глава 1

В малой гостиной замка Оллерн пахло пчелиным воском, удушливыми французскими духами и совершенно восхитительным, назревающим с секунды на секунду скандалом.

Важный и невероятно, просто феноменально упрямый купеческий барон, от чьих капризов и цен на овес зависело, будут ли подданные королевства грызть зимой паркет, пунцовел от ярости. Он напоминал перегретый паровой котел, который вот-вот взлетит на воздух. Брызгая слюной на бесценный персидский ковер и яростно топая сапогом из тончайшей телячьей кожи, барон сотрясал хрустальные люстры своим ревом:

— Мое зерно уйдет вашим соседям! — гремел этот невыносимый человек. — Я не сброшу ни единого, слышите, ни единого медного гроша! Оллерн останется с пустыми амбарами, а вы будете первыми в очереди за милостыней!

Его Величество король Седрик, чье величие в данный момент стремительно уменьшалось до размеров комнатной собачки, растерянно переглядывался с бледным министром снабжения. Королева Элеонора, как всегда в минуты, требу-

ющие хоть какого-то присутствия духа, страдальчески прижимала к виску платок, щедро смоченный лавандовой водой, и тихонько подвывала.

Старшая принцесса, двадцатилетняя Беатрис, разодетая в умопомрачительное шелковое платье цвета спелой вишни (которое, к слову, обошлось казне в годовой бюджет небольшой деревни), пыталась спасти положение. Она пустила в ход свое главное оружие — ослепительную, тщательно отрепетированную перед зеркалом улыбку. Увы, барон оказался на редкость толстокожим чудовищем: он был глух к девичьему очарованию, когда дело пахло чистой выгодой.

Младшая дочь, восемнадцатилетняя Лилиан, сидела чуть поодаль, в уютной тени тяжелых бархатных штор у окна. На ней было изящное платье из голубого бархата — родители никогда не экономили на ее гардеробе, виртуозно маскируя дорогой парчой и кружевами свою ледяную холодность. Король с королевой изо всех сил старались казаться справедливыми и любящими родителями, но выходило это у них, признаться, из рук вон плохо. Они упорно не замечали Лилиан, в то время как Беатрис буквально искупалась в лучах их круглосуточного обожания. И сейчас, в разгар этого уморительного государственного кризиса, про младшую принцессу, разумеется, просто забыли, словно она была частью мебелировки.

Лилиан, лениво разглядывая свои безупречно подпиленные ноготки, прекрасно видела, что высокородные перего-

ворщики зашли в глухой, беспросветный тупик, из которого их не выведет даже полк кавалерии.

«Ну что ж, кажется, пришло время для маленького представления», — подумала девушка, и на ее губах заиграла улыбка, которая не сулила упрямому барону решительно ничего хорошего.

Лилиан, стараясь не производить лишнего шума и не шелестеть своими умопомрачительными юбками, протянула тонкую ручку и взяла со столика изящный серебряный колокольчик. Спрятав его за раскинутым пышным веером из страусиных перьев, она тихонько, по-девичьи кокетливо кашлянула, проверяя голосовые связки. Ее маленький, тщательно скрывааемый от венценосных родителей дар требовал ювелирной, почти аптекарской точности.

Млещая принцесса хитро прищурилась, сосредоточив все свое внимание на затылке бушующего барона. Едва слышно, самым интимным, обволакивающим шепотом, какой обычно приберегают для полуночных признаний в алькове, она выдохнула прямо в сторону купца:

— Барон... Мой милый, упрямый барон, подумайте о великолепном порте Оллерна. Без его доков ваши драгоценные корабли просто сгниют вместе с вашей гордостью. Ну же, успокойтесь, улыбнитесь и снизьте цену на пятнадцать процентов. Это ваша единственная, самая блестящая выгода...

Лилиан вложила в этот чарующий шепот всю силу своего дара. Разумеется, из-за огромного веера и того невообрази-

мого гвалта, что устроили король с королевой, никто в гостиной ничего не заметил. Однако для самого барона этот нежный голосок прозвучал так, словно кто-то с размаху ударил в огромный, пугающе вибрирующий хрустальный гонг прямо у него в ухе! В этом шепоте крылась такая странная, величественная и непреодолимая сила, что у бедного толстосума по спине промчался целый табун ледяных мурашек, а в сознание накрепко, как гвоздь, врезалась чужая, непреклонная воля.

Барон осекся на полуслове, смешно захлопнув рот. Его праведный купеческий гнев сдуло, точно легким бризом. Он замер на месте, диковато и даже как-то жалко оглядываясь по сторонам, отчаянно пытаюсь сообразить, откуда пришел этот всеобъемлющий, гипнотический голос. Судорожно сглотнув, барон уставился в пространство, и в его прижмистых глазах появился самый настоящий, благоговейный трепет.

— Я... Кхм. Впрочем, господа... — пробормотал он, внешне растеряв весь свой воинственный пыл и напоминая теперь сдувшийся воздушный шарик. — Оллернский порт действительно... хм, незаменим для нашей торговли. Пожалуй, я немного погорячился, с кем не бывает? Скидка в пятнадцать процентов — это, надо признать, на редкость разумное, взвешенное и благородное решение. Давайте вашу бумагу, пока я не передумал, я все подпишу!

Король Седрик так и застыл с открытым ртом, а королева

Элеонора от удивления чуть не проглотила свой лавандовый платок. И только Лилиан за своим веером позволила себе торжествующую, невинную улыбку.

Девушка тихонько опустила кружевной веер, чувствуя легкое, но вполне осязаемое головокружение — использование магии звука всегда безжалостно забирало девичьи силы. Впрочем, никто в этой суматохе даже не посмотрел в ее сторону. Для венценосных родителей она по-прежнему оставалась лишь красивой частью интерьера, так что ее маленькая тайна осталась в безопасности.

Поздним вечером Лилиан уютно устроилась в своих покоях, лениво листая страницы нового французского романа и наслаждаясь тишиной. Внезапно дверь без малейшего стука распахнулась, и в комнату вихрем влетела Беатрис, уже переодетая в роскошный домашний халат. В руках она с чисто кондитерским триумфом держала тарелку с умопомрачительными пирожными.

— Ну каков мерзавец, а? Ты только подумай! — с ходу заявила Беатрис, без лишних церемоний с размаху садясь на шелковое покрывало сестры и щедро протягивая ей угощение. — Видала, как этот толстосум сломался под конец переговоров? Мама с папой весь вечер только и делают, что поют мне дифирамбы. Они уверены, что это я своей «королевской статью» добавила этого невыносимого скрягу! Папа даже выдал за ужином: «Беатрис, ты моя истинная наслед-

ница, не то что...» — тут Беатрис осеклась, прикусила язык и виновато посмотрела на младшую сестру. — В общем, Лили, они опять пытались завуалировать свою вечную холодность к тебе, но вышло, как всегда, паршиво. Прости меня. Я не хотела...

Лилиан лишь мягко, совершенно беззлобно улыбнулась и грациозно взяла с тарелки пирожное с розовым кремом:

— Все в порядке, Трикс, не переживай. Главное, что этот злосчастный договор наконец подписан и королевство не останется без хлеба. А ты в малой гостинной действительно держалась просто отлично.

— Да брось ты! — весело фыркнула старшая принцесса, уже вовсю уплетая сладости и ничуть не заботясь о придворном этикете. — Ну какая из меня великая правительница? Я в этих скучных торговых пошлинах и налогах разбираюсь примерно так же, как деревенская свинья в спелых апельсинах! Если бы этот занудный барон спросил меня хоть слово про снабжение и торговлю, я бы просто заставила его смотреть на фасон моего нового шелкового корсажа, пока он не сошел бы с ума. Я беру исключительно уверенным видом и хорошей помадой! Но, Лили... послушай, меня беспокоит совершенно другое.

Беатрис посерьезнела, отставила в сторону пустую тарелку и заговорщически пододвинулась ближе к сестре, шурша своим роскошным халатом.

— Лили, дело принимает скверный оборот. Я сегодня слу-

чайно, совершенно без умысла, подслушала разговор мамы и папы у камина. И то, что я услышала, заставило мои волосы встать дыбом! Они всерьез вознамерились отправить тебя в монастырь Святой Ванессы. Ну, ты же знаешь это жутко элитное заведение на холме, где благородные, но глубоко несчастные девицы всю жизнь только и делают, что вышивают золотыми нитями алтарные покрывала и созерцают вечную тишину! Мама с самым благочестивым видом заявила, что твоя «тихая, робкая натура» просто идеально создана для этого святого уединения. На самом же деле они думают, что так мягко и благопристойно избавят тебя от придворных интриг и... ну, давай смотреть правде в глаза, им просто так чертовски удобнее! Не нужно ломать голову, подыскивая тебе достойного мужа, и уж тем более — делить государственную казну ради твоего приданого.

Лилиан на секунду замерла. Ее тонкие пальчики крепче, до побеления костяшек, сжали край фарфоровой тарелки. Монастырь. Жизнь в четырех каменных стенах, среди унылых серых ряс и вечного, заунывного шепота молитв. Какая заманчивая, а главное — «заботливая» перспектива от любящих родителей!

— Они действительно хотят... так мягко и красиво отослать меня прочь? — тихо, почти беззвучно спросила она, и в ее огромных глазах на миг отразился блеск ночной свечи.

— Ну разумеется! Официально они, конечно же, назовут это «высоким духовным призванием и благословением

небес», — сердито надула пухлые губки Беатрис, и ее глаза воинственно сверкнули. — Но я этого не позволю, слышишь? Ты никуда не поедешь, Лили, даже если мне придется запереть тебя в своем гардеробе! Ты хоть и кажешься всем нежной скромницей, но я-то знаю, как ты любишь веселые балы, флирт и красивые шелковые платья. Мы обязательно что-нибудь придумаем, вот увидишь! Я костями лягу на пороге королевского совета, устрою грандиозную истерику, но не пущу тебя к этим занудным монахиням!

Лилиан ласково посмотрела на разгоряченную сестру. Внутри нее теплой, обволакивающей волной разлилась искренняя девичья благодарность. Трикс так преданно любила ее и была готова пойти на открытый конфликт с королем и королевой ради ее спасения, даже не подозревая, какой огромной, почти пугающей силой на самом деле обладает ее «тихая» младшая сестра.

Ведь ровно раз в сутки, повинаясь лишь тайному зову ее воли, Лилиан могла заставить любого человека — будь то капризный барон, строгий министр или сам венценосный отец — безоговорочно поверить каждому ее слову, мгновенно успокоиться или полностью изменить свое самое непреклонное решение. И монастырские швейные мастерские явно не входили в ее планы на этот сезон.

И раз уж ее маленькая, но чертовски могущественная тайна осталась нераскрытой, у нее в рукаве появился идеальный козырь для этой утонченной королевской партии.

— Спасибо, Трикс, ты моя самая настоящая защитница, — искренне сказала Лилиан, и в ее прекрасных глазах блеснули лукавые искорки. — Но обещаю тебе, дорогая, на этот раз тебе не придется ругаться с родителями и портить свой безупречный цвет лица.

— Это еще почему? — искренне удивилась Беатрис, отправляя в рот последний, самый аппетитный кусочек пирожного с клубничным кремом и смешно пачкая кончик носа.

— Называй это женской интуицией или просто предчувствием, — загадочно улыбнулась младшая принцесса. — На следующем семейном ужине, когда они заведут свой излюбленный разговор о моем «благочестивом будущем» и монастырских стенах, я найду правильные слова. Такие особенные слова, Трикс, которые заставят их передумать раз и навсегда. Вот увидишь, они сами, со слезами на глазах, умоляюще попросят меня остаться во дворце и никуда не уезжать.

— Ой, Лили, ты слишком наивна и чересчур веришь в силу мирной дипломатии, — со вздохом превосходства заметила Беатрис, по-сестрински обнимая ее за хрупкие плечи. — Но так и быть, я помогу тебе составить эту речь. Напишем что-нибудь возвышенное. А если твои уговоры не сработают — я просто устрою грандиозную, умопомрачительную истерику с битьем фамильного саксонского фарфора! Мой крик всегда великолепно отвлекает папу от его гениальных государственных планов.

Лилиан тихо, музыкально рассмеялась, утыкаясь носом

в бархатное плечо сестры, чтобы скрыть торжествующий блеск в глазах. Впереди их ждал чинный семейный ужин, и у младшей принцессы была ровно одна минута, чтобы незаметно для всех, легким шепотом полностью переписать сценарий собственного будущего.

Глава 2

Миниатюрная, но невероятно шумная война с соседним королевством Оботорней длилась всего три недели, но закончилась для блистательного Оллерна полным, сокрушительным крахом. Оборотни — народ практичный, вспыльчивый, жутко сильный и совершенно лишенный придворного изящества — просто перешагнули через пограничные заграждения, как через садовый забор, смяли королевский гарнизон и бесцеремонно выставили ультиматум.

Они требовали вечного мира, торговых уступок и... старшую принцессу Беатрис в жены королевским принцам. Именно так — во множественном числе. Дело в том, что по строгим законам Оботорнии у высокородной волчицы (или, как в данном случае, у несчастной человеческой невесты) должно быть строго два мужа. Исключительно для идеального баланса сил, семейной гармонии и генетического разнообразия.

В тронном зале Оллерна царила паника, стремительно граничащая со слабоумием.

— Два мужа?! — Беатрис, смертельно бледная, но как всегда статная и умопомрачительно красивая в своем роскошном шелковом платье, нервно расхаживала перед тронами, рискуя протереть каблучками бесценный паркет. — Мама, папа, ладно еще два мужа! В конце концов, я бы с ними

как-нибудь договорилась по очереди и заставила их носить шлейф моего платья! Но они же волки! Вы что, совсем забыли?!

Королева Элеонора судорожно, до посинения пальцев прижимала к носу лавандовый платок, готовая в любую секунду лишиться чувств. Король Томас мрачно, с видом приговоренного к казни изучал пергамент ультиматума.

— Ах, дорогая, дело вовсе не в придворной морали... — трагично прошептала королева, закатывая глаза к расписным сводам. — Томас, вспомни ее шестилетие! Нам тогда подарили очаровательного, пушистого щенка борзой. Помнишь? Беатрис обняла его, и всего через пять минут ее нежная кожа покрылась багровыми пятнами размером с хорошее спелое яблоко! А потом бедное дитя три дня чихало с такой силой, что во всем замке дрожали хрустальные люстры!

— У меня тяжелейшая, просто фатальная аллергия на всех псовых! — воскликнула Беатрис, картинно заламывая руки и демонстрируя залу свой идеальный профиль. — Если эти дикие принцы вздумают обратиться в волков во время свадебного пира, я просто-напросто умру от отека Квинке прямо у алтаря! Это будет не великий союз, а самый короткий, позорный и чихающий дипломатический брак в истории человечества!

Целых три дня король и королева, напрочь позабыв про свой благопристойный протокольный холод, строчили в

Оботорнию полные слез и орфографических ошибок письма. Каждое послание было щедро подкреплено официальными справками от придворного лекаря и скреплено массивными восковыми печатями. Они предлагали грозным соседям горы золота, прибыльные алмазные шахты, лучшую пушнину — решительно все, лишь бы спасти свою обожаемую старшую дочь от неминуемого удушья на ковре из волчьей шерсти.

В конце концов оборотни, которым изрядно надоела эта бесконечная медицинская переписка, недовольно проворчали: «Ладно, пусть будет по-вашему. Нам нужна кровная принцесса для юридического скрепления договора, а не ходячий лазарет. Давайте сюда младшую. Только пусть ваша девчонка не вздумает чихать, у наших мальчиков крайне тонкий музыкальный слух».

Лилиан приняла эту ошеломляющую новость со свойственным ей тихим, поистине королевским достоинством. Сейчас она сидела в своих покоях перед зеркалом, пока служанки с трепетом укладывали ее роскошные светлые локоны в изящную прическу. На ней было великолепное, сногшибательное дорожное платье из плотного голубого бархата с тончайшей серебряной вышивкой. Родители напоследок небывало расщедрились на самый дорогой и изысканный гардероб в ее жизни, глуша этим шопингом смутную, тщательно скрываемую от самих себя вину.

Они хладнокровно отдавали младшую дочь «диким чудо-

вищам», чтобы спасти драгоценную старшую. Разумеется, на людях они вежливо и пафосно говорили Лилиан о «великом монаршем долге», «жертвенности» и «спасении родины», но в их глазах читалось просто неприличное облегчение. Их любимица Беатрис останется дома, в полной безопасности, на балах, и — главное — подальше от клыков, когтей и прочих кошмаров дикой природы.

Они и не подозревали, что Лилиан отправляется на встречу двум оборотням, имея в запасе свой секретный дар, и что эти двое мужчин очень скоро будут плясать под ее дочку.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась, заставив испуганных служанок выронить шпильки. В комнату вихрем влетела Беатрис — заплаканная, с совершенно растрепавшейся прической и размазанной тушью, напрочь забыв про свою обычную девичью гордость и придворный этикет.

— Лили! — Беатрис с размаху упала перед сестрой на колени, драматично уткнувшись лицом в ее роскошную голубую бархатную юбку. — Прости меня, ради всего святого! Я самое настоящее чудовище! Это я, я должна ехать к этим нечесаным, блохастым дикарям! Я... я клянусь, что могу пить горький крапивный отвар целыми тоннами! Я вытерплю любые багровые пятна на коже и буду чихать до окончания веков! Пожалуйста, не уезжай!

Лилиан нежно, убаюкивающе погладила сестру по растрепанным каштановым волосам. Внутри нее в этот момент все

сжималось от самого дикого, парализующего ужаса, какой только может испытать благородная девица. Оборотни. Дикие, огромные, пахнувшие грозой полулюди. И — о небеса! — сразу два мужа. Она, робкая и утонченная девушка, которая всю жизнь привыкла тихо сидеть с книжкой у окна, теперь должна принадлежать двум настоящим волкам. От одной только мысли об их клыках и объятиях девушке отчаянно хотелось залезть под кровать и никогда оттуда не вылезать. Но она заставила себя гордо выпрямить спину. Ей, как истинной принцессе Оллерна, нельзя было показывать свой страх служанкам.

— Ну полно тебе, Трикс, — со всей успокаивающей нежностью, на какую была способна, произнесла Лилиан. — Прекрати немедленно плакать, ты окончательно испортишь свой макияж. А ведь тебе сегодня еще ужинать с этими занудными министрами. У меня, к счастью, нет никакой аллергии на шерсть. Я обязательно справлюсь. В конце концов, в монастыре Святой Ванессы, куда меня так заботливо хотели сослать наши родители, тоже были бы невероятно строгие правила. Буду считать, что Оботорния — это просто... очень специфический, экзотический монастырь. С клыками.

— Но они же, говорят, едят исключительно сырое мясо с кровью! — безутешно всхлипнула Беатрис, поднимая на нее полные ужаса глаза. — А если они разозлятся и покусают тебя, Лили?

— Что ж, тогда я просто строжайше попрошу их личного

повара хорошенько прожаривать их королевские порции, — попыталась пошутить Лилиан, хотя ее собственные бледные губы слегка дрожали от волнения. — Пожалуйста, не переживай так. Я буду писать тебе письма. Очень много писем. Из самого сердца волчьего логова.

Во дворе замка ее уже дожидалась тяжеловесная, обитая железом карета Оботорней, выглядевшая так, словно ее собирались отправить на штурм крепости, а не на свадебное торжество. Возле этого сооружения переминались с ноги на ногу двое послов — мужчины столь внушительных размеров в своих кожаных колетах, что рядом с ними лакеи Оллерна казались хрупкими фарфоровыми статуэтками. От чужаков исходил волнующий, сильный аромат костра, мокрой хвои и чего-то первобытного, отчего у любой приличной девицы побежали бы мурашки по коже. У одного из них из-под пышной меховой шапки весьма недвусмысленно проглядывали серые волчьи уши, которые чутко подергивались от непривычного шума дворцовой суеты.

Король Томас и королева Элеонора снизошли до того, чтобы проводить младшую дочь на крыльцо. Его Величество официально, напыщенно кашлянул, упорно пряча бегающий взгляд:

— Лилиан... Помни, дорогая, Оллерн вовек не забудет твоей великой жертвы. Веди себя... хм, благородно, как и подобает нашей крови.

— Да, дитя мое, — поспешно добавила королева, милостивым, почти невесомым поцелуем коснувшись бледной щечки Лилиан и тут же испуганно отступая назад, под надежную защиту Беатрис. — Будь послушной и прилежной женой. Обоим... Кхм. Постарайся им... ну, как-нибудь понравиться.

Лилиан едва заметно, с затаенной горечью усмехнулась под прикрытием своих длинных ресниц. Даже сейчас, отправляя ее в неизвестность, любящие родители умудрялись держать привычную ледяную дистанцию. Она решительно повернулась к Беатрис, крепко, до хруста в корсете обняла ее на прощание и заговорщически шепнула на ухо:

— Береги себя, Трикс. И, умоляю, приглядывай за нашей казной. Больше не покупай тех безумно дорогих племенных скакунов у заезжих цыган!

В этот трогательный сестринский момент вмешался один из послов. Внушительный шрам на его щеке делал его похожим на грозного разбойника с большой дороги. Он басовито, пугающе рыкнул, заставив вздрогнуть королевскую гвардию:

— Время, принцесса! Путь до нашей границы долгий и утомительный. Их Высочества, принцы Гаррет и Киран, уже изнывают от нетерпения на пограничной заставе. А они, признаться, страсть как не любят, когда бабы опаздывают.

При слове «бабы» королева Элеонора едва не лишилась чувств, а Лилиан робко сглотнула подступивший к горлу комок. И все же она нашла в себе достаточно девичьего муже-

ства, чтобы изящным жестом приподнять тяжелые бархатные юбки и сделать первый шаг к железной карете. Дверца захлопнулась с глухим стуком, экипаж тронулся, и колеса загрохотали по неровной брусчатке. Оллерн со всеми его холодными тайнами оставался позади, а впереди девушку ждала встреча с ее двумя невероятными судьбами.

Внутри кареты, вопреки самым мрачным ожиданиям Лириан, оказалось на удивление чисто, тепло и приятно пахло сушеной лавандой и луговыми травами. Напротив нее, развалившись на кожаном сиденье, расположился посол. Как выяснилось из дорожных разговоров, звали этого великана — Вульфрик. Он совершенно бесцеремонно, с чисто мужским и немного звериным любопытством разглядывал ее своими янтарно-желтыми глазами.

— Ты слишком бледная, человечка, — басовито заметил он, шумно и глубоко втянув носом воздух, отчего Лириан невольно поправила воротник платья. — И пахнешь страхом. Мятой, дорогими духами и капелькой страха. Брось это, не бойся. Мы не едим принцесс. По крайней мере, тех, за кого уже уплачен вечный мир и подписаны торговые пошлины.

Лириан сидела, благопристойно и чинно сложив руки на коленях, стараясь изо всех сил казаться невозмутимой. Сердце ее колотилось где-то в районе горла, совершая сумасшедшие кульбиты. Однако ее маленькая тайна, спасительный дар — волшебный, гипнотический голос — все еще

были при ней. Она твердо знала: если ситуация станет совсем критической и кто-то посмеет покуситься на ее девичью честь, у нее есть ровно одна минута абсолютной власти в сутки. Это знание согревало ее изнутри, действуя как надежный, невидимый щит.

— Я вовсе не боюсь, господин посол, — мягко, с едва уловимой, очаровательной дрожью в голосе ответила девушка, смело взглянув в его звериные глаза. — Я просто... размышляю о некоторых культурных различиях наших великих стран. Скажите, а ваши достопочтенные принцы... они очень... хм, пушистые?

Вульфрик расхохотался с такой сокрушительной силой, что тяжелая карета ощутимо закачалась на рессорах.

— Пушистые! Слыхал, Бьорн? — весело крикнул он куда-то в сторону кучера, стукнув себя огромным кулаком по колену. — Наша принцесса переживает за количество шерсти на квадратный дюйм! Не бойся, девочка, тебе достались лучшие мужчины Оботорнии. Принц Гаррет у нас спокойный, рассудительный, как вековая скала. Вечно сидит в окружении старинных книг и пишет новые законы для стаи. А вот Киран... ну, Киран парень горячий, настоящий огонь. Он сначала бьет наотмашь, а потом уже спрашивает имя. Но оба они — величайшие воины. Так что тебе крупно повезло, малышка. Двое мужей — это в два раза больше надежной защиты от любых невзгод.

— Или в два раза больше стирки... — едва слышно про-

бормотала Лилиан под нос, с содроганием вспоминая невероятные размеры их кожаного обмундирования.

Вульффрик широко ухмыльнулся, искренне оценив эту чисто девичью практичность, и вытащил из холщового мешка изрядный кусок вяленого мяса, пахнущего солью и дымом, галантно предложив его попутчице. Лилиан, разумеется, вежливо и с самой очаровательной улыбкой отказалась, сославшись на чересчур сытный дворцовый завтрак, хотя от одного вида этого угощения у нее слегка закружилась голова.

Она грациозно отвернулась к окну, спасаясь от пристального взгляда янтарных глаз посла. Пейзаж за плотным стеклом стремительно и пугающе менялся: ухоженные, цивилизованные луга родного Оллерна уступали место дремучим, вековым и по-настоящему мистическим лесам дикой Оботорнии. Деревья-великаны стояли вдоль дороги плотной стеной, словно суровая королевская гвардия.

Где-то там, на туманной пограничной заставе, ее уже с нетерпением дожидались два ее будущих мужа — рассудительный книгочей и неудержимый воин. Два огромных волка, готовых заявить свои права на хрупкую принцессу.

Лилиан сделала глубокий, успокаивающий вдох, коснулась тонкими пальцами своего горла и уверенно подумала:

«Ну что ж, господа волки... Искренне надеюсь, что вы умеете хорошо слушать и ценить мягкий женский голос. Потому что если мы не сойдемся с вами характерами, мне придется устроить вам обоим очень долгую, очень серьезную и край-

не убедительную лекцию. И поверьте, вы не посмеете меня перебить».

Глава 3

Пограничная застава Оботорней встретила Лилиан оглушительным лаем гончих, дразнящим ароматом жареной на вертеле дичи и поистине пугающими размерами бревенчатых стен, способных выдержать штурм целой армии. Карета остановилась с тяжелым, протяжным скрипом рессор. Посол Вульфрик распахнул массивную дверцу, обнажив зубы в добродушной ухмылке:

— Ну вот мы и на месте, принцесса. Твоя судьба, а точнее — сразу две судьбы, уже изнывают от нетерпения. Вылезай, милая, только аккуратно. У нас тут, сама видишь, дворцовый паркет не предусмотрен, кругом сплошная дикая природа.

Принцесса сделала последний, судорожный вдох. Ее бедное девичье сердце испуганной птицей билось о корсет, но она упрямо заставила себя расправить плечи, плавным жестом поправить роскошный подол своего голубого платья и с истинно королевским изяществом сойти на утопанную, сухую землю заставы.

Прямо перед ней, преграждая путь к отступлению, стояли двое. Принцы Оботорней. Наследники волчьего трона оказались невероятно высокими, широкоплечими и при этом совершенно, просто поразительно непохожими друг на друга.

Тот, что стоял чуть правее, выглядел на редкость благо-

пристойно. Он был одет в безупречно опрятный суконный кафтан с дорогой меховой оторочкой. Его темные волосы были зачесаны назад, а на переносице — Лилиан даже растерянно моргнула от удивления — красовались изящные очки в тонкой серебряной оправе. В руках он с важным видом держал какой-то старинный свиток. Сомнений не было: перед ней стоял тот самый начитанный принц Гаррет.

Второй брат, Киран, являл собой полную противоположность интеллектуальному Гаррету. Он лениво подпирал мощным плечом деревянный столб навеса. На нем был изрядно потертый кожаный колет без рукавов, который ничуть не скрывал его бугристые, сильные руки, покрытые боевыми шрамами и загадочными татуировками. Его золотисто-светлые волосы были дерзко растрепаны ветром, а на чувственных губах играла опасная, хищная ухмылка, от которой у любой придворной дамы Оллерна немедленно случился бы обморок.

Оба принца одновременно и не мигая уставились на свою новоиспеченную суженую. К величайшему изумлению Лилиан, в их пристальных взглядах не было ни капли той дикой злобы или варварского пренебрежения, к которым ее мысленно готовили любящие родители. Напротив, в прохладном воздухе заставы повисло искреннее, глубокое и почти детское удивление.

Оборотни, как известно, обладали невероятно тонким, магическим чутьем. И сейчас, вместо высокомерной, ка-

призной и изнеженной старшей принцессы Беатрис, о которой велась речь в первоначальном ультиматуме, они увидели перед собой хрупкую, но удивительно гармоничную, ладную девушку. От нее веяло прохладной свежестью мяты, едва уловимым ароматом старых книжных страниц и — о небеса! — какой-то скрытой, невероятно манящей женской силой.

Она им безоговорочно, бесповоротно, с самого первого взгляда, понравилась. Причем обоим сразу.

— Приветствую вас на нашей земле, принцесса Лилиан, — первым нарушил молчание Гаррет.

Его голос оказался удивительно приятным — спокойным, глубоким и безусловно вежливым. Он сделал такой безукоризненный, изысканный придворный поклон, какому могли бы позавидовать лучшие столичные кавалеры Оллерна.

— Признаться, я искренне рад, что Его Величество прислал именно вас. Честно говоря, те бесконечные медицинские отчеты вашей старшей сестры по поводу... гм, ее внезапной и фатальной аллергии на нашу скромную сущность ввели нас в глубокий ступор.

— Да ладно тебе, Гарри, не занудствуй и брось ты свои канцелярские манеры, — весело фыркнул Киран, лениво отликая от деревянного столба навеса.

Он сделал широкий шаг вперед, сокращая дистанцию, и бесцеремонно, с чисто мужским восхищением оглядел Лилиан с ног до головы. Его ухмылка стала еще шире и соблаз-

нительнее.

— Привет, пушинка! А ты, надо признать, очень даже ничего. Чертовски симпатичная. И, слава богам, от тебя не пахнет теми удушающими королевскими духами Беатрис, от которых у меня во время подписания ультиматума весь день в носу невыносимо свербело.

Девушка робко, чисто инстинктивно отступила на полшага назад, крепче сжав в пальцах свой кружевной веер. Однако этот неожиданно приветливый и даже шутливый тон братьев-оборотней заставил ее внутреннее напряжение, копившееся всю дорогу, чуть-чуть спастись. Слава небесам, они вовсе не выглядели как кровожадные дикари, собирающиеся зажарить ее на ужин. Более того, один из них и вовсе производил впечатление человека, который только что сбежал с лекции в университетской библиотеке Оллерна.

— Здравствуйте, — тихо, но удивительно четко и с достоинством ответила Лилиан, смело поднимая на них свои лучистые глаза. — Я... я тоже искренне рада, что наше с вами знакомство начинается без... какого-либо кровопролития.

— Ну, это мы еще посмотрим, когда узнаем, как ты готовишь дичь, — весело хохотнул Киран, озорно подмигнув.

Гаррет тут же наградил непутевого брата таким осуждающим взглядом, что тот лишь задорно развел руками. Кажется, эта необычная семейная жизнь обещала быть весьма занимательной.

Принцы любезно проводили Лилиан в просторный бре-

венчатый, но весьма уютный домик заставы. На массивном дубовом столе ее уже дожидался пузатый глиняный чайник, из носика которого исходил ароматный пар чая на таежных травах. Впрочем, без лишних нежностей, сентиментальных вздохов и прочей романтической мишуры братья устроились друг напротив друга, напоминая скорее суровых деловых партнеров на важных переговорах, нежели будущих супругов.

— Итак, перейдем к делам, принцесса, — Гаррет с чисто профессорской аккуратностью развернул на столе подробную карту и увесистый свод законов. — Политический брак — вещь суровая и прагматичная. Наш венценосный отец требовал немедленной свадебной церемонии, чтобы как можно скорее закрепить договор о ненападении. Но мы с братом посоветовались и пришли к выводу, что тащить хрупкую человеческую девушку к алтарю всего через три дня после того, как наши войска топтали ее родные границы — это... крайне неэффективно для построения долгосрочного семейного союза.

— Проще говоря, ты от страха прямо у алтаря в обморок шмякнешься, а нам потом с этим живи, — без церемоний перевел Киран, вольготно развалившись на стуле и покручивая в сильных пальцах охотничий нож. — Нам в доме нужна настоящая жена, а не запуганный суслик.

Лилиан аккуратно, стараясь не звякать фарфором, пригубила горячий чай. Дикие травы приятно согрели горло,

окончательно возвращая ей девичью уверенность и душевное равновесие. Она смело посмотрела на принцев своими лучистыми глазами:

— И какой же выход из этого тупика вы предлагаете, господа?

— Один месяц, — твердо и веско произнес Гаррет, поправив очки. — Мы благородно даем вам тридцать дней до официальной церемонии. Вы поживете в нашем родовом замке, разумеется, в отдельных покоях. Без каких-либо супружеских обязанностей и посягательств с нашей стороны. За это время вы спокойно изучите наши законы, географию, привыкнете к нашему... быту. А мы, в свою очередь, узнаем вас.

— И если через месяц ты окончательно поймешь, что мы для тебя совсем уж невыносимые псы, — Киран внезапно серьезнел, убрал нож и поймал взгляд девушки своими гипнотическими янтарными глазами, — мы что-нибудь придумаем с этим договором. Нам не нужна во дворце красивая кукла, которая будет тихо ненавидеть нас всю оставшуюся жизнь. Видишь ли, пушинка, в Оботорнии превыше всего ценят свободу воли.

Принцесса опустила глаза на свою чашку. Внутри вновь шевельнулась знакомая, тихая и невыносимо колючая горечь.

Оборотни. Чужие, дикие, пугающие весь цивилизованный мир существа. И именно они сейчас беспокоились о ее драгоценной свободе воли, душевном комфорте и девичьей

гордости куда больше, чем родные отец и мать! Венценосные родители всю жизнь виртуозно и мягко игнорировали ее, а потом без тени сомнений упаковали в обитающую железом карету ради спасения Беатрис. Они ведь даже не поинтересовались, боится ли она, каково ей покидать родной дом. Король и королева просто расщедрились на роскошные платья в дорогу, посчитав ворох шелка и бархата вполне приличной компенсацией за ее сломанную жизнь.

— Спасибо, — искренне произнесла Лилиан. Она с трудом сглотнула подступивший к горлу комок и смело посмотрела на братьев. — Это... невероятно благородно с вашей стороны, господа принцы. Месяц — это прекрасный, вполне разумный срок.

— Вот и отлично, — деловито кивнул Гаррет, делая изящную пометку пером на полях своего старинного свитка. — Значит, наше соглашение можно считать официально достигнутым. Завтра на рассвете мы отправляемся в столицу Оботорнии.

Киран, чье тонкое волчье чутье мгновенно уловило, что атмосфера за столом стала слишком уж драматичной и сентиментальной, решил во что бы то ни стало разрядить обстановку. Он вольготно наклонился над столом, сокращая расстояние между ними и заговорщически подмигнув Лилиан своими янтарными глазами:

— Кстати, пушинка. Раз уж у нас официально объявлен месяц откровений и разрушения культурных барьеров...

Скажи мне честно, как на духу: у твоей сестрицы Беатрис реально фатальная аллергия на волков? Или ваш придворный лекарь просто изрядно перебрал крепкой настойки, когда строчил те безумные депеши про «багровые пятна размером с хороший арбуз»?

Лилиан не удержалась и кокетливо прыснула в кулак, вспомнив того злосчастного пушистого щенка борзой и всеобщую панику в тронном зале Оллерна.

— Чистейшая правда, принц Киран, — сдерживая смех, заверила его младшая принцесса. — Моя дорогая Трикс начинает оглушительно чихать, стоит кому-то в ее присутствии просто упомянуть собачью конуру или охотничьих псов. Поверьте мне, если бы она все-таки приехала к вам, вашим доблестным легионам пришлось бы воевать вовсе не с гвардией Оллерна, а с ее непрекращающимся, сотрясающим стены кашлем!

— О великие боги стаи... — Гаррет устало потер переносицу. — Какое все-таки неопишное счастье, что международная дипломатия — штука на редкость гибкая. Нам в столице только чихающей королевы для полного комплекта не хватало. Мой драгоценный государственный архив просто не пережил бы подобного сейсмического бедствия.

— Ладно, закругляем совещание, — Киран встал со стула, потягиваясь всем своим мощным, мускулистым телом с такой хищной грацией, что в его суставах что-то отчетливо и пугающе хрустнуло.

Лилиан при этом звуке снова невольно вздрогнула, крепче перехватив чашку с чаем.

— Отдыхай и набирайся сил, принцесса, — добродушно ухмыльнулся молодой вожак, заметив ее мимолетный испуг. — Твои покои обустроены наверху, там тепло и сухо. Завтра мы покажем тебе настоящую, дику Оботорнию. И даю тебе благородное королевское слово: мы с Гарри честно стараемся сильно не линять по дороге, чтобы не портить твой бархатный наряд.

Лилиан замороженно проводила их взглядами. Когда тяжелая дубовая дверь за братьями наконец закрылась, она с облегчением откинулась на высокую резную спинку стула и впервые за весь этот сумасшедший, изнурительный день перевела дух. Ее тайный и пугающий дар — волшебный, гипнотический голос — сегодня, к величайшему удивлению, так и не понадобился. Эти двое грозных мужчин, при всей их первобытной силе и пугающей звериной натуре, на поверку оказались на редкость... человеческими, понимающими и чуткими.

Глава 4

Принцы Оботорней, разумеется, самым наглым и очаровательным образом лукавили. Никакой жесткой необходимости в этом «испытательном месяце» не было и в помине. Старый, умудренный опытом волк вообще слабо понимал, зачем с человеческими принцессами разговаривать и вести тонкие психологические дискуссии, если можно просто выдать им комнату побольше, ворох шелков и оставить в покое.

Этот месяц Гаррет и Киран выбрали исключительно для себя. Они оба были безоговорочно очарованы Лилиан с первой же секунды ее выхода из кареты. Но если наглый, привыкший к быстрым победам Киран жаждал немедленно взять эту хрупкую крепость штурмом, то начитанный и рассудительный Гаррет быстро остудил пыл брата, разложив все по полочкам: «Она смертельно напугана, Киран. Наш суровый быт для нее — настоящий культурный шок. Если мы надавим сейчас, она просто закроется в своей раковине, и мы получим ледяную куклу. Ее нужно завоевать так тонко, чтобы она сама раз и навсегда позабыла дорогу назад в свой холодный Оллерн».

И они начали действовать. Тонко, со всей стратегической выдержкой и истинно волчьим терпением.

Дорога до столицы Оботорнии занимала целую неделю. К

немалому удивлению принцев, Лилиан наотрез отказалась от душевной железной кареты, предпочтя ехать верхом. Держалась в седле она превосходно, хоть и благоразумно выбирала для путешествия самых спокойных, флегматичных мерингов.

На второй день пути, во время полуденного отдыха у хрустального лесного ручья, Киран решительно подошел к девушке. В его огромных ладонях, свернутых лодочкой, лежала целая пригоршня крупной, ароматной, буквально истекающей сладким соком лесной земляники.

— Держи, пушинка, — как бы между прочим бросил он, усаживаясь на поваленное бревно рядом с ней. Однако в его гипнотических янтарных глазах, вопреки напускной небрежности, мелькнул невероятно внимательный, выжидающий и жадный мужской огонек. — Случайно наткнулся на кусты, пока проверял наш охранный периметр. Чуть все лапы себе не оттоптал в этих зарослях, пока собирал для тебя.

Лилиан удивленно моргнула, захлопав длинными ресницами. Грозный принц Оботорнии... собирал для нее лесные ягоды?

Она робко протянула свои изящные ладони, и когда Киран пересыпал в них ароматную землянику, его горячие, мозолистые пальцы как бы случайно, но невероятно мягко скользнули по ее коже. Этот мимолетный контакт подействовал на принцессу сильнее, чем чарующее заклинание. Она залилась густым девическим румянцем и поспешно опустила взгляд, отчаянно пытаясь спрятать нахлынувшее смущение.

ние:

— Спасибо вам, принц Киран. Они... действительно очень сладкие и пахучие.

Чуть позже, когда дневное солнце начало лениво садиться за кроны вековых деревьев, Гаррет плавно направил своего коня поближе к ее мерину. На луке его седла покачивался скромный, но удивительно изящный букет бледно-голубых лесных фиалок, перевязанный шелковой лентой.

— Дикая флора наших суровых мест бывает излишне грубой, принцесса, — как всегда спокойно и размеренно произнес он. — Но эти цветы... они в точности напомнили мне благородный оттенок вашего дорожного платья. Возьмите их. Это... эм, сугубо научный интерес с моей стороны к вашей непосредственной реакции на местную экосистему.

Лилиан с трепетом приняла букет, невольно прижав прохладные лесные фиалки к своей груди. Ее сердце пропустило удар, когда Гаррет, передавая хрупкие стебли, на какую-то долю секунды задержал свой пристальный, обжигающий взгляд на ее пухлых губах.

— Вы очень добры ко мне, принц Гаррет, — ответила она, чувствуя, как кончики ее ушей начинают гореть от сладостного смущения.

На четвертый день пути венценосные братья, судя по всему, решили окончательно повысить ставки в этой игре за женское сердце. Киран, свято уверенный, что все утончен-

ные человеческие девушки падки на дорогой блеск, во время ужина у весело трещавшего костра торжественно протянул Лилиан тяжелую бархатную коробочку синего цвета.

Внутри нее лежал роскошный, массивный браслет из белого золота, щедро усыпанный редкими, идеально круглыми речными жемчужинами.

Девушка опустила взгляд на сияющий браслет, а затем перевела его на выжидающие, напряженные лица венценосных братьев. На ее прелестном лице тут же отразилась безупречная, вежливая и протокольная улыбка — точно такая же, какой она с малых лет послушно одаривала занудных иностранных послов на приемах в Оллерне.

— О, это... невероятно ценная и редкая вещь, — ровно, без единой лишней эмоции произнесла она, благопристойно сложив руки на коленях. — Благодарю вас, господа принцы. Это очень щедрый и весомый дипломатический жест со стороны Оботорнии.

Гаррет и Киран переглянулись, и внутренние волки обоих недовольно, разочарованно заворчали. Тонкое звериное чутье братьев не обманешь: радость от скромной пригоршни помятой лесной земляники, которую Киран принес в своем огромном кулаке, была в сто раз более живой и искренней! Там, у ручья, Лилиан улыбалась самой душой и сияющими глазами, а здесь, перед дорогим золотом, — лишь холодным королевским этикетом, за которым искусно пряталась ее ранимая девичья гордость.

— Понял, вопросов больше не имею, — хмуро буркнул Киран, решительно закрывая тяжелую бархатную крышку и забирая коробочку обратно. — Золото мимо цели. Гарри, я же говорил тебе, зануде, надо было ловить того редкого фазана с яркими перьями! Девушки любят красивых птиц, а не эти побрякушки.

— Замолчи, Киран, — устало вздохнул Гаррет, поправляя очки и делая важную мысленную пометку в своей стратегической карте оболыщания. — Наша принцесса ценит искренность чувств и внимание к деталям, а не государственную казну. Мы обязательно учтем это упущение в следующий раз.

Для самой Лилиан это недельное путешествие становилось самым странным, удивительным и волнующим временем в ее жизни. Дома, в родном Оллерне, все ее существование было лишь блеклым, серым фоном для ослепительного триумфа старшей сестры. Родители за восемнадцать лет ни разу не поинтересовались, что она думает о прочитанных книгах, какую музыку предпочитает слушать по вечерам и почему так любит часами сидеть у окна в одиночестве. Они просто раз и навсегда решили для себя, что Лилиан «тихая, робкая и незаметная», списав ее со счетов.

Здесь же, среди этих диких лесов и пугающих мужчин, все оборачивалось иначе. Ее по-настоящему замечали.

— Лили, — негромко позвал Гаррет, подсаживаясь ближе

к костру и галантно подливая ей в чашку ароматный травяной чай. — Наш кучер Бьорн говорит, что вы сегодня весь день замороженно смотрели на серые скалы у горного перевала. В Оллерне совсем нет таких величественных гор? Расскажите нам, какие пейзажи вам нравятся больше всего?

И принцесса рассказывала. Сначала робко, то и дело запинаясь и испуганно замолкая в ожидании, что ее сейчас перебьют или демонстративно потеряют к ее речам всякий интерес. Но венценосные братья слушали ее так, словно она зачитывала важнейший государственный манифест.

Киран, подперев подбородок огромной татуированной рукой, замороженно ловил каждое ее слово, а Гаррет изредка понимающе кивал, мягко и тактично развивая тему.

Она вдруг ощутила непривычную, немного пугающую, но такую сладкую, пьянящую свободу. Ее слышали! Ею искренне интересовались. Она была нужна этим грозным мужчинам не как удобный живой щит для капризной Беатрис, а сама по себе — со всеми своими мыслями и потаенными мечтами. От этой ошеломляющей мысли в ее груди разливалась теплая, щемящая и немного горькая грусть по родному дому, где ее так легко отдали чужакам.

С остальными оборотнями из походной свиты Лилиан тоже вела себя удивительно мягко, ровно и с истинно благородным изяществом. Она не выказывала ни капли той брезгливости и высокомерного презрения, которые цивилизованные люди Оллерна обычно питали к полузверям.

Когда старый, ворчливый кучер Бьорн случайно глубоко порезал палец, неуклюже разводя вечерний костер, девушка, не раздумывая, сама подошла к нему. Она грациозно опустилась на траву и достала из своей шелковой дорожной сумочки чистый бинт и баночку с целебной мятной мазью.

— Позвольте мне помочь вам, господин Бьорн, — произнесла она. — У нас в Оллерне лекари утверждают, что дикая мята великолепно снимает первый жар от раны.

Огромный, обросший густой серой шерстью оборотень буквально замер на месте, боясь даже вздохнуть или случайно пошевелиться, пока хрупкая человеческая принцесса перевязывала его массивную лапу, которая по размерам была едва ли не больше ее головы.

— Премного благодарен, маленькая хозяйка, — басовито, со слезой в голосе пробасил растроганный Бьорн, преданно и умилительно зашевелив своими волчьими ушами. — У тебя на редкость добрые руки. Наши оботорнские бабы обычно сразу за топор хватаются, если мы ранимся в походе, — чисто чтоб не ныли под ухом. А ты... ты суший ангел.

Киран и Гаррет, наблюдавшие за этой сценой из тени лагеря, переглянулись. В их глазах горело такое откровенное, горячее мужское восхищение, что Лилиан, поймав их взгляды, снова густо покраснела до самых кончиков ушей. Кажется, ее безоговорочная капитуляция перед этой стаей откладывалась — стоя сама стремительно сдавалась в ее нежный плен.

Киран, заворуженно наблюдавший за этой трогательной сценой из тени раскидистого дуба, обольстительно ухмыльнулся и толкнул брата локтем в бок:

— Слыхал, Гарри? Наша пушинка, кажется, уже всюю строит наших бывалых ветеранов. Еще пара дней такого походного лазарета, и старый ворчун Бьорн начнет ходить перед ней по струнке, напевать баллады и — о боги стаи! — усердно мыть уши перед каждой дорожной сменой.

— Это называется истинной мягкой силой, мой дорогой брат, — с нескрываемым благоговением улыбнулся Гаррет, не сводя восхищенного взгляда с хрупкой фигурки Лилиан. — Самое опасное, утонченное и непреодолимое оружие на всем белом свете. Против него не устоит ни один легион.

Их дорожный караван медленно, но неотвратимо приближался к цветущим границам столичных земель Оботорнии. Временами Лилиан все еще слегка опасалась туманного будущего и того, как ее встретит величественный королевский двор стаи.

Однако теперь, устраиваясь на ночлег в своей походной палатке под тихий, протяжный и удивительно мелодичный волчий вой ночной стражи, охранявшей ее покой, она впервые в жизни поймала себя на одной поразительной мысли. Этот далекий, вибрирующий в ночной прохладе звук больше не казался ей дикой, смертоносной угрозой из дремучих лесов.

Он казался ей... самой нежной, баюкающей и надежной колыбельной на свете. Колыбельной, обещающей, что отныне никто и никогда не посмеет причинить ей вред.

Глава 5

Тяжелые ворота замка Оботорней, высеченные безжалостной волей природы в неприступной скале, захлопнулись за их отрядом с оглушительным, роковым грохотом. Лилиан судорожно сдержала вздох, крепче вцепившись в луку седла. Родовое гнездо волчьих королей выглядело величественно, сурово и насквозь пахло диким камнем, вековой хвоей и горьковатым дымом огромных каминов. Здесь не было позолоченных канделябров или кокетливых шелков — все вокруг дышало первобытной, пугающей и одновременно осязаемой мужской силой.

В главном зале, на массивном троне, варварски укрытом шкурой огромного полярного медведя, восседал сам король-отец — грозный Бран Волк Оботорнский. Огромный, с благородной проседью в густой гриве диких волос, со зловещим шрамом через весь левый глаз, он казался ожившим мифом. От одного его мимолетного взгляда воздух в зале, казалось, тяжелел на несколько тонн, мешая дышать.

Когда девушка, шурша своим великолепным голубым платьем, с истинно девичьим мужеством подошла к самому подножию трона, Бран величественно поднялся. Его голос прогремел под высокими каменными сводами, точно весенний раскат грома:

— Итак, трусливый Оллерн все-таки прислал мне младшую плоть вместо обещанной старшей. Принцесса Лилиан... Ты кажешься мне хрупкой, как первый весенний лед на реке. Послушай меня внимательно, человечка: Оботорния — земля суровых и непреклонных законов. Женщина здесь — не просто красивое украшение для пиршественного стола или блеклая тень мужа. Священная обязанность жены принцев — хранить домашний очаг стаи, быть мудрой, рожать крепких, сильных щенков и никогда, слышишь меня, никогда не сметь перечить воле своих мужчин, когда они принимают важные военные решения. Ты готова согнуть свою спину перед законами волков, или твоему Оллерну стоит готовить новые гробы для своих солдат?

От этого властного, первобытного напора у Лилиан перехватило дыхание. Внутри все сжалось от дикого, парализующего страха, а в голове испуганной птицей промелькнула паническая мысль — немедленно активировать свой гипнотический голос и подчинить себе этого грозного монарха.

Но она вовремя прикусила губу, заставив себя опомниться. Она была не просто разменной монетой в чужой игре, она была истинной дочерью короля Оллерна! В ее жилах текла древняя, гордая кровь великих правителей, пусть даже эгоистичные родители никогда не ценили ее по достоинству.

Принцесса сделала глубокий, успокаивающий вдох. Ее робкие плечи расправились, спина стала прямой, как стрела, а прелестный подбородок гордо и вызывающе взметнулся

вверх. Она смело, без тени подобострастия посмотрела прямо в опаляющие желтые глаза старого короля.

— Я готова уважать законы вашей суровой земли, Ваше Величество, — четко и звонко ответила она. — Но оллернские принцессы сгибают спину только перед священным алтарем. Все мои обязанности перед стаей будут выполнены с честью, но мой дух навсегда останется свободным. На меньшее ваши сыновья, думаю, и сами никогда не согласились бы.

Бран опасно прищурился. В его могучей груди зародился низкий, вибрирующий рык, от которого по залу пронесся тревожный шепот. Король сделал тяжелый шаг вперед, словно собираясь одним своим авторитетом раздавить эту дерзкую девчонку.

Но закончить это психологическое наступление ему не дали.

В ту же секунду перед Лилиан, надежно заслоняя ее хрупкую фигуру от королевского гнева, как стена выросли две широкие, могучие спины. Киран стремительно шагнул влево, его сильная рука инстинктивно и угрожающе легла на рукоять охотничьего ножа, а янтарные глаза хищно сузились. Гаррет встал чуть правее, хладнокровно расправив плечи и невозмутимым жестом поправляя серебряные очки. Братья полностью перекрыли разгневанному отцу обзор на принцессу, давая понять: она под их защитой.

— Довольно, отец, — ледяным, безупречно вежливым, но оттого еще более пугающим тоном произнес Гаррет. —

Ты сейчас грубо нарушаешь наш уговор. Мы с братом дали принцессе ровно месяц на адаптацию к нашему быту. Твои грозные проповеди о «щенках, очаге и покорности» здесь и сейчас неуместны.

— Остынь, старик, — дерзко огрызнулся Киран, делая шаг вперед, и в его глубоком голосе отчетливо прорезалось настоящее, вибрирующее волчье рычание. — Устраивать атаку на беззащитную девчонку в собственном тронном зале? Серьезно? Ищи себе другого соперника по зубам, отец. Эта женщина — наша.

В огромном зале замка повисла звенящая, почти осязаемая тишина. Могучие стражники у каменных стен замерли на месте, боясь сделать лишний вдох и привлечь к себе внимание. Девушка стояла позади братьев, чувствуя, как от их широких спин исходит волна такого надежного, горячего тепла, что ее душа затрепетала. Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, но — о боги! — уже не от прежнего страха, а от какого-то нового, волнующего и незнакомого ей чувства. За нее заступились. Ее искренне и бесстрашно защищали от самого короля!

Вдруг старый Бран остановился. Угрожающее рычание в его могучей груди резко стихло, зловещий шрам на суровом лице дернулся, и в следующую минуту древний замок буквально содрогнулся от... громоподобного, раскатистого хохота короля.

— Ха-ха-ха! Вы только полюбуйтесь на них! — Бран хлоп-

нул себя огромными ладонями по бедрам, довольно оскалив свои белоснежные клыки. — Два моих лучших, самых свирепых волка Оботорнии одновременно зарычали на родного отца и вожака из-за одной человеческой девченки!

Он неторопливо спустился с каменного помоста и подошел к принцам, которые, впрочем, свои мощные спины так и не расслабили, продолжая держать круговую оборону. Король с любопытством заглянул через плечо Кирана, с невольным мужским уважением посмотрев на гордую, хоть и бледную Лилиан.

— Хороша, чертовка, — одобрительно кивнул Бран, оценивающе оглядев принцессу. — Спина прямая, взгляд перед вожаком стаи не опустила. А главное — волки тебя приняли. Запомни раз и навсегда: если волчица с первой минуты вызывает у мужчины защитный инстинкт, значит, это правильная волчица. Наше чутье не обманешь. Добро пожаловать в мой замок! А теперь, сыновья, живо покажите нашей гостье ее комнаты, пока я не поколотил вас двоих прямо здесь исключительно ради профилактики!

Принцы Оботорней взялись за деликатное «приручение» своей милой пленницы с поистине удвоенной мужской силой и стратегическим азартом. Величественный замок был просто огромным, полным таинственных запутанных переходов, гулких каменных галерей и открытых террас, с которых открывался безумный, захватывающий дух вид на вечно заснеженные, гордые вершины гор.

Гаррет с удовольствием взял на себя интеллектуальную часть этой ознакомительной экскурсии.

— Вот здесь, Лили, находится наша святая святых — королевская библиотека, — мягко и невероятно вкрадчиво произнес он, плавно открывая перед ней тяжелые, окованные медью дубовые двери. — Признаться, редких книг здесь меньше, чем в вашем Оллерне, но зато у нас хранятся уникальные хроники Первой Эпохи.

Лилиан, позабыв обо всем на свете, заворуженно шагнула вглубь прохладного зала, вдыхая волнующий аромат старинного пергамента и дорогой кожи. Пытаясь рассмотреть старинный фолиант на самом верхнем ряду стеллажа, она грациозно потянулась вверх, чуть приподнявшись на цыпочках. Из-за этого порывистого движения ее любимый изумрудный веер из страусиных перьев выскользнул из тонких пальцев и с тихим шорохом упал на ковер.

Внимательный Гаррет тут же, словно того и ждал, оказался прямо позади нее. Он плавно, с чисто волчьей бесшумной грацией наклонился, поднял веер и, возвращая дорогую вещь владелице, как бы совершенно случайно накрыл своей горячей, широкой ладонью тонкие пальчики. Он явно не спешил убирать руку, заставляя принцессу чувствовать спиной тепло его крепкой груди, и глядел на нее сверху вниз.

Девушка почувствовала, как к ее щекам приливает густой, обжигающий жар, и смущенно опустила глаза, не в силах выдержать этот взгляд.

— Если вам когда-нибудь понадобится какая-то книга, моя дорогая принцесса, просто тихонько скажите об этом мне, — почти невесомо, заговорщически шепнул Гаррет, наклоняясь так близко, что его горячее дыхание обожгло ее чувствительное ушко. — Я лично достану для вас любую звезду с этого неба. Вам больше не нужно никуда тянуться.

— С-спасибо вам, принц Гаррет... — едва слышно про-бормотала она, приятно и сладостно улетаая от этой внезапной, будоражащей близости и чувствуя, как ее сердце готово выпрыгнуть из корсета.

Вечером наступила очередь Кирана перехватить инициативу в этой утонченной придворной осаде. Не признавая долгих разговоров, он решительно повел ее на самую высокую смотровую башню замка, чтобы вместе смотреть на догорающий закат. Горный воздух на такой высоте был пронзительно прохладным, и Лилиан, невольно поежившись.

— Замерзла, моя пушинка? — Киран обольстительно ухмыльнулся.

Совершенно не спрашивая официального разрешения, он по-хозяйски шагнул к ней со спины и обнял ее за хрупкие плечи своими огромными, теплыми руками, властно прижимая девушку к своей широкой, мускулистой груди.

Принцесса вздрогнула от неожиданности, растерянно поджав плечи от нахлынувшего смущения. Однако это живое, обволакивающее тепло его сильного тела было настоль-

ко убаюкивающим и надежным, что она не стала вырываться из мужских объятий, позволяя себе эту маленькую слабость.

— Посмотри вон туда, — Киран вытянул вперед мускулистую руку, указывая нужное направление, и его гладко выбритая щека на какую-то сладкую секунду коснулась ее шелковых светлых волос. — Видишь ту бескрайнюю долину внизу? Там раскинулись наши вековые охотничьи угодья. Со всем скоро там начнется Великий Гон стаи. Это поистине завораживающее, красивое зрелище.

— Это... это именно там, где вы все... бегаєте на четырех лапах? — спросила Лилиан, отчаянно стараясь выровнять свое дыхание, которое то и дело сбивалось под его сильными руками.

— Именно так, — хмыкнул Киран, и в его янтарных глазах отразились багровые отблески заходящего солнца. — Кстати, о четырех лапах, пушинка. Ты ведь до сих пор нас панически боишься, верно? Искренне думаешь, что мы с Гарри самые настоящие дикие чудовища из сказок?

— Ну... вы очень... крупные мужчины, — честно, без прикрас призналась девушка, вызвав у молодого вожака довольный, низкий и вибрирующий мужской смех.

Настоящий казус случился на следующий день, когда Лилиан отдыхала в своих новых, поистине роскошных покоях. Ей выделили великолепную комнату с огромной кроватью под шелковым балдахином, изящной мебелью и ками-

ном, в котором весело потрескивали поленья. Девушка уютно устроилась в глубоком кресле, лениво расчесывая свои длинные светлые локоны, когда балконная дверь, выходящая в тенистый внутренний сад, заговорщически скрипнула.

Лилиан повернулась на звук и замерла, выронив дорогой гребень, который со звоном покатился по паркету.

В ее спальню валяжно, по-хозяйски, с невозмутимым видом шествовал... огромный волк. Нет, это был не просто волк, а чудовищно огромный, великолепный зверь с густой, переливающейся серебристо-белой шерстью, мощными лапами и невероятно умными янтарными глазами. И этот грозный лесной хищник бережно нес в своей пасти... спелое, наливное красное яблоко.

Горячий Киран, судя по всему, решил, что целый месяц томительного ожидания — это слишком долго для его бушующей мужской натуры, и пришло самое время показать принцессе свою вторую, истинную форму в домашней, так сказать, интимной обстановке. В своей наивной волчьей душе он искренне полагал, что такой жест будет выглядеть невероятно романтично, трогательно и доверительно.

Девушка окаменела на месте. Весь ее тщательно отрепетированный оллернский этикет и напускное хладнокровие испарились в ту же секунду. Чисто девичий страх перед огромным хищником, оказавшимся в паре шагов от нее, полностью парализовал ее волю.

Между тем белый волк преспокойно подошел к ее креслу,

аккуратно, стараясь не вымазать ее платье, положил сочное яблоко ей прямо на колени и издал короткий, на редкость дружелюбный и довольный «вуф», преданно и умилительно зашевелив своими пушистыми ушами.

В этот момент в комнату без стука стремительно вошел Гаррет. В руках он нес серебряный поднос, на котором завлекательно дышал паром вечерний чай. Увидев своего непутевого брата в волчьей форме прямо перед испуганной, застывшей в кресле принцессой, Гаррет закатил глаза к потолку с такой силой, что его серебряные очки чуть было не съехали на самый кончик благородного носа.

— Киран, ты законченный, непроходимый идиот, — сокрушенно констатировал Гаррет, с демонстративным грохотом опустив поднос на столик. — А ну-ка обернись обратно, живо! Ты пугаешь нашу невесту. У бедной девушки из-за твоих маневров сейчас начнется тяжелейшая психологическая травма, и наш испытательный месяц затянется до второго пришествия!

Белый волк недовольно фыркнул, глухо и обиженно зарычал на зануду-брата и... послушно, с каким-то совершенно умильным видом уставился на Лилиан, словно безмолвно просил прощения за свою дикую выходку. Его огромный пушистый хвост пару раз несмело вильнул из стороны в сторону, послушно заматавая бесценный шерстяной ковер.

Лили заворуженно посмотрела на это умопомрачительно пушистое создание природы. Она внезапно вспомнила всю

ту панику, которую устраивала Беатрис по поводу своей придуманной аллергии, перевела взгляд на спелое красное яблоко, сиротливо лежавшее у нее на коленях, и... не выдержала. Комнату огласил ее тихий, хрустальный и невероятно залиvistый смех. Весь ее страх в одно мгновение улетучился, уступив место самому искреннему, безудержному веселью.

— О, принц Киран... — сквозь смех и слезы выдохнула она, робко протягивая свою изящную ручку вперед.

Самыми кончиками пальцев она несмело коснулась мягкой, шелковистой шерсти на его мощной голове. Белый волк от такого неземного удовольствия блаженно прикрыл свои янтарные глаза, превращаясь в послушного домашнего питомца.

— Вы, конечно, очень красивый и величественный зверь... Но умоляю вас, пожалуйста, больше никогда не проделявайте подобные фокусы перед ужином. У меня от вашей романтики чуть сердце навсегда не остановилось!

Волк издал тихий, виноватый скулящий звук, трогательно ткнулся мокрым черным носом прямо в ее ладонь, заставив девушку снова смущенно вздрогнуть. После этого он грациозно развернулся и одним мощным махом выпрыгнул обратно на балкон, скрываясь в тени вечернего сада, чтобы вернуть человеческий облик.

Гаррет плавно подошел ближе, галантно протягивая Лилиан чашку с таежным чаем. На его губах играла мягкая, сочувственная мужская улыбка.

— Простите его, принцесса, — негромко произнес он.
— У моего дорогого брата Кирана мыслительный процесс иногда полностью уступает место первобытным инстинктам стаи.

— Все в порядке, Гаррет, не стоит беспокоиться, — тепло улыбнулась Лилиан.

Она приняла чашку из его рук, и в этот момент их пальцы снова — как бы невзначай — соприкоснулись.

— Кажется, я и сама не заметила, как начинаю понемногу привыкать к вашей... весьма необычной экосистеме.

Глава 6

Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь кроны деревьев, рассыпаясь кокетливыми золотыми искрами по мягкому ковру из густого мха. Принцы Оботорней, проявив невиданное коварство, пригласили Лилиан на исключительно неофициальную прогулку, благополучно «потеряв» суровую королевскую свиту где-то далеко позади.

— Смотри под ноги, моя пушинка, — Киран с грацией дрессированного медведя придержал колючую ветку дикого шиповника, которая явно покушалась на целостность олдернского гардероба.

Пропуская девушку вперед, его огромная ладонь как бы случайно, исключительно ради поддержания физического баланса, скользнула по ее тонкой талии. Лилиан тихонько, по-девичьи охнула и в сотый раз за эту неделю густо покраснела, судорожно поправляя подол своего многострадального дорожного платья.

Когда они наконец вышли на залитую светом поляну, принцесса замерла от восторга. Земля вокруг была усыпана цветами невиданных форм и расцветок. Экзотические неоновосиние чашечки сменялись пышными бутонами цвета заходящего солнца, от которых исходил тонкий, кружащий голову сладковатый аромат. А чуть дальше, в низине, насто-

ящим пожаром пламенел ковер из гигантской лесной земляники, размерами больше напоминавшей приличные олдернские яблоки.

— Вот оно, наше тайное место, — мягко улыбнулся Гаррет.

С видом заправского заговорщика он снял свои серебряные очки и спрятал их в бархатный футляр, чтобы они не мешали обзору. Совершенно не заботясь о чистоте своего кафтана, принц опустился на колени прямо на влажную траву и бережно сорвал самую крупную, невероятно сочную ягоду.

— Попробуй, Лили.

Гаррет с обольстительной улыбкой протянул ей угощение. Лилиан, затаив дыхание и окончательно позабыв про главу кодекса о поведении благородных девиц в лесу, осторожно приняла сочную ягоду губами прямо из его пальцев. Подушечки его горячих пальцев на какую-то непозволительно долгую секунду задержались на ее пухлых губах. Девушка смущенно опустила шелковые ресницы, согреваясь от накатившего к щекам тепла.

Киран, которому вся эта утонченная ботаника явно казалась пустой тратой драгоценного времени, с размаху уселся рядом на мох. Он принялся бесцеремонно сгребать гигантские ягоды горстями, пачкая соком свои татуированные руки, и весело подбрасывать их в воздух:

— Меньше нудной науки, Гарри, и больше первобытного вкуса! Лови еще, пушинка, пока мой ученый брат не высчи-

тал калорийность этой поляны!

Они весело смеялись, не по-королевски пачкая пальцы и аристократические носы алым земляничным соком, а затем дружно спустились к прозрачному, хрустальному горному ручью, чтобы смыть следы своего кулинарного преступления.

Киран, решив временно поработать живым кубком, зачерпнул ледяную воду своими огромными ладонями и галантно предложил Лилиан напиться. Когда принцесса, придерживая подол платья, робко наклонилась к его сильным рукам, их взгляды встретились. В янтарных глазах молодого вожака полыхнуло такое откровенное, хищное, но при этом умопомрачительно ласковое пламя, что у бедной девушки разом перехватило дыхание, а вода едва не пролилась на ее шелковый корсаж.

— Тсс... — Гаррет внезапно прижал палец к своим чувственным губам, прерывая этот опасный оптический контакт.

С чисто волчьей бесшумностью он увлек Лилиан за большой, живописный замшелый валун, который так удачно подвернулся им для создания интимной обстановки. Гаррет нежно, но крепко обнял ее со спины, надежно прижимая к своей широкой груди. Киран же, не теряя времени, по-хозяйски устроился прямо у ног на мягком мху, осторожно направляя ее завороченный взгляд в сторону старого поваленного дуба.

Там, в раскидистых корнях дерева, разворачивалось зрелище, способное растопить сердце даже самого сурового сборщика налогов Оботорнии. Семейство диких лисят резвилось в лучах солнца. Маленькие рыжие комочки уморительно кувыркалились в густой траве и кусали друг друга за хвосты, пока их уставшая мать лениво грела рыжие бока на полянке, делая вид, что эти хулиганы не имеют к ней никакого отношения.

Лилиан, затаив дыхание, смотрела на эту лесную идиллию. Она чувствовала, как мощно бьются сердца принцев по обе стороны, превращая этот дикий лес в самое безопасное место на земле.

В этой сонной, звенящей лесной тишине Гаррет кончиками пальцев повернул ее покрасневшее лицо к себе. Его взгляд был бесконечно нежным, томительным и выжидающим. Он медленно, давая ей время передумать, наклонился и коснулся ее губ первым — невесомым поцелуем, от которого у принцессы сладко и кружительно поплыла земля под ногами.

Не успела она сделать судорожный вдох и прийти в себя, как Киран, решивший, что брат и так получил слишком большую долю королевских почестей, собственнически прильнул к ее губам с другой стороны. Его поцелуй был куда более настойчивым, горячим, требовательным и упоительно пахнущим той самой дикой земляникой. Лилиан сладостно затрепетала, приятно стора от смущения в их сильных, на-

дежных руках. Кажется, ее тихий и скромный характер окончательно нашел идеальный баланс между волчьей наукой и волчьей страстью.

К вечеру они вернулись в замок, оставив позади земляничную поляну и свои первые, совершенно непозволительные поцелуи. Когда Лили вышла к ужину, сменив походный наряд на парадное изумрудное платье из плотного шелка, удушающая атмосфера главного зала наметнула ей: мирный отпуск окончен.

Рядом со старым королем Браном, вальяжно развалившись на соседнем кресле, восседала незнакомка. Это была леди Клодия — единственная человеческая женщина при дворе и по совместительству признанная фаворитка короля. На ней красовался вызывающе роскошный наряд, кричащий о грандиозных тратах из королевской казны, а шею украшало массивное ожерелье из редких олленских изумрудов. Под маской идеальной, фарфоровой красоты и приторной, как переслащенный сироп, улыбки Клодия скрывала холодную, расчетливую и поистине бездонную жадность. Она правила старым волком с помощью капризов, искусно завуалированных под девичью хрупкость.

Заметив Лилиан, Клодия тут же порхающей бабочкой упорхнула от монарха и подплыла к принцессе, оглушительно шурша своими многочисленными юбками.

— О, милое, драгоценное дитя! — фальшиво защелкала

фаворитка, делая хищную попытку бесцеремонно схватить девушку за руки. — Какая неопишная радость! Наконец-то в этом мрачном замке появится еще одна утонченная, цивилизованная душа среди всех этих... неотесанных пушистых дикарей! Мы с тобой просто обязаны стать ближайшими подругами. Я с удовольствием помогу тебе освоиться, ведь эти волки, признаться между нами, решительно ничего не смыслят в женской нежности!

Лилиан мягко, но уверенно отстранила свои руки, одним плавным движением раскрывая перед лицом любимый изумрудный веер. О небеса, Клодия явно недооценила соперницу! Принцесса выросла в оллернском дворце, где сложнейшие политические интриги плелись фрейлинами вместо утреннего чая, и, с точностью заправского ювелира, считала звенящую фальшь в сузившихся зрачках леди Клодии. Фаворитка, привыкшая единолично крутить стаей, видела в молодой, девушке прямую угрозу своему влиянию, положению и, что самое главное, кошельку.

— Вы чрезвычайно любезны, леди Клодия, — спокойно и с леденящим вежливым изяществом ответила Лили, глядя ей прямо в подведенные глаза через кружевной край веера. — Однако спешу вас заверить: принцы Гаррет и Киран весьма чутки и предупредительны к моим скромным нуждам. Боюсь, уединение в королевской библиотеке мне сейчас гораздо ближе, чем любые светские сплетни.

Гаррет, стоявший неподалеку с массивным кубком, едва

заметно и довольно усмехнулся, по достоинству оценив эту высшую олленскую школу дипломатического отпора. Кирани же в углу зала откровенно оскалил клыки в ухмылке, радуясь, что его «пушинка» умеет не только смущаться, но и выпускать коготки.

Леди Клодия на долю секунды поджала свои тонкие губы, выдав бушующую внутри ярость, но тут же виртуозно вернула на лицо приторную маску и, изящно вильнув бедрами, отступила назад к королю. Первая битва за замок была выиграна Лилиан без единого применения магии.

На следующий день вся высокородная и слегка нечесаная знать Оботорней дружно отправилась на охоту, которая в этих диких краях заменяла и светские рауты, и судебные разбирательства. В этот раз принцесса благоразумно предпочла наблюдать за ходом этого первобытного безумия с безопасной высоты деревянного помоста, обитого шкурами. В руках она сжимал веер, который служил ей надежным щитом от летящих брызг грязи и излишне эмоциональных комментариев леди Клодии.

Венценосные братья в этот день были, признаться, чертовски великолепны. Избавившись от цивилизованных кафтанов, они действовали на лесной поляне как единый, слаженный и смертоносный механизм.

Огромный дикий кабан — настоящий монстр весом под триста фунтов, чье рыло не поместилось бы ни в один при-

дворный устав, — с грохотом выскочил из чащи, круша кусты своими кривыми клыками. Оборотни из королевской стаи на секунду замялись, прикидывая стоимость лечения, но горячий Киран на своем вороном жеребце лихо перерезал разъяренному зверю путь. С чисто мужским азартом и силой он метнул охотничье копьё прямо под лопатку чудовищу. Кабан оглушительно взревел, на ходу разворачиваясь для атаки, но в ту же самую секунду Гаррет, летящий наперерез, проявил невиданное хладнокровие. С безупречной, поистине математической точностью он всадил стрелу из своего лука зверю в шею.

Исполинское животное рухнуло замертво к копытам их коней. Лес огласился одобрительным волчьим воем сотен охотников, от которого у Лилиан заложило уши, а старый король Бран гордо ударил себя кулаком в могучую грудь, беззвучно заявляя: «Моя школа!»

Братья повернулись к помосту и вскинули руки, салютуя своей принцессе. Киран дерзко подмигнул ей, а Гаррет изящным жестом откинул со лба упавшую прядь темных волос. Девушка почувствовала, как ее сердце снова предательски пропустило удар, а сидевшая неподалеку леди Клодия со злостью прикусила губу, поняв, что ее оллернские изумруды сегодня явно проиграли этой демонстрации чистейшего тестостерона.

Вечером королевский замок содрогался до самого фундамента — Оботорния праздновала успешную охоту с варвар-

ским размахом. В каминах ревели костры, массивные столы стонали под тяжестью жареного мяса, а эль лился такими объемами, что оллернские виночерпии наверняка лишились бы чувств от одних только смет. Едва музыканты грянули быстрый, сумасшедший оботорнский танец, как Киран, не тратя времени на официальные приглашения, первым увлек Лили в самый центр круга.

Танцевать с этим неистовым мужчиной было тем еще испытанием для хрупкой девической комплекции! Киран кружил ее так лихо и самозабвенно, что изумрудные шелковые юбки взлетали, как крылья экзотической птицы, а его горячая, широкая ладонь на ее пояснице заставляла сердце биться в сумасшедшем, паническом ритме. Принц весело смеялся, озорно подмигивая ей, и девушка, напрочь позабыв про дворцовую скромность и наставления гувернанток, искренне и заливисто хохотала вместе с ним, чувствуя себя невероятно живой.

Затем дикая мелодия плавно сменилась более медленной, тягучей, и Киран уступил законное место брату. Гаррет вел ее иначе — плавно, уверенно, полностью и мягко контролируя каждое движение. Его пальцы переплелись с ее, а пристальный взгляд в полумраке зала был таким глубоким, томительным и обжигающим, что принцессе казалось, будто этот начитанный принц заглядывает ей прямо в душу, перелистывая страницы ее мыслей.

Когда пир наконец подошел к концу, венценосные братья

единогласно вызвались проводить невесту до ее покоев — исключительно в целях безопасности, разумеется. В полутемном, уединенном коридоре у самой двери спальни они остановились, и воздух между ними мгновенно сгустился.

— Спокойной ночи, моя пушинка, — с обволакивающей хрипотцой произнес Киран.

Он решительно шагнул ближе, лишая ее путей к отступлению, мягко прижал спиной к двери и наклонился для прощального поцелуя. Но в этот раз, изрядно разгоряченный хмельным элем, быстрыми танцами и близостью ее кожи, молодой вожак немного увлекся, напрочь позабыв про джентльменские соглашения. Поцелуй стал требовательным, глубоким, обжигающим, его руки сжали хрупкие плечи чуть крепче, чем требовали приличия, а из мощной груди вырвался низкий, вибрирующий волчий рык — первобытный призыв самца, заявившего права на свою женщину.

Лилиан инстинктивно сжалась под этим напором, ее дыхание перехватило, а в огромных глазах на миг мелькнул испуг перед этой безудержной, дикой силой, которую она пока еще не умела контролировать.

Гаррет тут же мягко, но непреклонно положил свою широкую ладонь на плечо разгоряченного брата, действуя как ушат ледяной воды на любовном пожаре:

— Киран. Ты ее пугаешь. Мы договаривались на культурное завоевание, а не на захват вражеской цитадели.

Киран отстранился, тяжело и шумно дыша. В его опаляю-

щих янтарных глазах первобытная страсть за долю секунды сменилась уморительно виноватым, чисто щеночьим выражением. Он робко, едва ощутимо коснулся пальцами ее покрасневшейся щеки:

— Прости меня, моя пушинка. Немного увлекся, эль и танцы ударили в голову. Спокойной ночи, спи крепко.

Гаррет, воспользовавшись моментом, запечатлел на ее лбу короткий, успокаивающий и бесконечно нежный поцелуй, больше похожий на благословение, после чего братья чинно удалились по темному коридору, уже на ходу тихо и яростно споря о чем-то исключительно мужском и волчьем.

Лилиан судорожно заперла за ними тяжелую дубовую дверь на массивный засов, прижалась к ней спиной и... просто сползла по дереву прямо на пушистый ковер, не в силах удерживать королевскую осанку. Ее бедное сердце колотилось с такой силой, словно она в одиночку и без оружия снова бежала по лесу от того трехсотфунтового кабана. Парадное изумрудное платье внезапно показалось ей слишком тесным, а корсет — орудием пыток, безжалостно крадущим драгоценный кислород.

Кое-как избавившись от наряда, Лилиан с головой забралась под тяжелое меховое одеяло, но сон наотрез отказался посещать ее покои. Девушка взволнованно ворочалась с боку на бок, глядя на причудливые отсветы угасающего камина на высоком потолке. Внутри нее бушевал самый настоящий шторм из противоречивых чувств.

Лилиан с пугающей ясностью понимала: она стремительно, бесповоротно влюбляется. Причем, о небеса, сразу в обоих! И эти новые, будоражащие ощущения, которые так виртуозно будили в ней венценосные принцы — эта дикая, первобытная страсть огненного Кирана, этот обволакивающий, надежный интеллект и бархатная забота Гаррета — пугали ее до сладостной дрожи. Она, робкая, незаметная оллернская принцесса, которая восемнадцать лет прожила с ощущением, что она лишь блеклое украшение интерьера, теперь внезапно стала центром вселенной и главным призом для двух могучих, великолепных волков!

Ей было чертовски страшно. Но этот страх перед неизведанным был удивительно, пьяняще и сладко приятен. Лили прижала пуховую подушку к груди, заново вспоминая вкус дикой земляники и горячих поцелуев на своих губах, и поймала себя на крамольной для благородной леди мысли. Она с замиранием сердца и нетерпением ждет, что же интересного принесет им завтрашнее утро. Похоже, Оллерн потерял свою принцессу навсегда, даже если официальный контракт еще не был скреплен королевской печатью.

Глава 7

Каждое новое утро в замке Оботорней приносило Лилиан то, чего она была лишена всю сознательную жизнь, — пьянящее, восхитительное ощущение собственной важности. В этих стенах она стремительно расцветала, словно бутон горного цветка, выбравшийся к солнцу после долгой зимы. В ее глазах, раньше полных робкой грусти, все чаще и откровеннее вспыхивали лукавые озорные искорки, а все движения наливались мягкой, но уверенной грацией. Она больше не пыталась спрятаться за краем изумрудного веера. Она увлеченно училась дышать полной грудью и радоваться этой новой жизни, в которой правила бал волчья страсть.

Перед обедом они по сложившейся традиции устроились втроем на залитой солнцем веранде библиотеки. Гаррет увлеченно читал вслух старинную таинственную балладу, стараясь поразить гостей своим бархатным баритоном, а Киран точил массивный охотничий нож, развалившись в соседнем кресле и ничуть не заботясь о придворном этикете.

Лилиан, облаченная в воздушное платье цвета нежного утреннего неба, внимательно и с затаенной улыбкой смотрела на братьев. Вдруг ее цепкий взгляд зацепился за воротник Гаррета — шелковая лента его кафтана досадным образом перекрутилась, а на строгое плечо упала непослушная тем-

ная прядь волос, портившая весь его безупречный вид.

В прежние времена, в строгом Оллерне, девушка никогда в жизни не осмелилась бы столь бесцеремонно нарушить чужие границы. Но сейчас, поддавшись новому, теплему и дерзкому порыву женской уверенности, она поднялась со своего места и с грацией кошки подошла к нему со спины.

Гаррет осекся на полуслове, смешно застыв с открытым ртом. Этот великий книголюб и стратег стаи буквально закаменел на месте, когда прохладные ладони принцессы мягко, невесомо коснулись его широких плеч. Лили с ювелирной аккуратностью расправила упрямый воротник, а затем ее тонкие пальцы плавно скользнули чуть выше, нежно и неторопливо заправив непослушную прядь за его ухо.

От этого мимолетного, невероятно интимного прикосновения у принца-интеллектуала даже кончики ушей трогательно порозовели, выдав его с головой. Он затаил дыхание, боясь сделать даже крошечный вдох, дабы не спугнуть эту долгожданную, упоительную ласку.

Киран, заметив этот дерзкий маневр, застыл на месте с охотничьим ножом в руке, напоминая каменное изваяние первобытного бога, а его янтарные глаза удивленно и забавно расширились. Лилиан, поймав этот ошарашенный взгляд великого воина стаи, тихонько и очень озорно, чисто по-девичьи хихикнула под прикрытием своих длинных ресниц.

Почувствовав себя полноправной хозяйкой положения, она сделала плавный шаг к Кирану, наклонилась к нему и

легким движением ладони пригладила его вечно растрепанные волосы, которые после вчерашней лихой охоты и бурного пира упрямо торчали во все стороны, начисто игнорируя законы гравитации.

Грозный принц Киран глухо, утробно сглотнул, растеряв всю свою варварскую спесь. Его огромная ладонь инстинктивно и собственнически дернулась, чтобы перехватить ее тонкую руку и прижать к своим губам, но он вовремя совершил над собой усилие и сдержался. Молодой вожак лишь блаженно прикрыл от неопишуемого удовольствия глаза, преданно подставляясь под нежные пальчики, точно огромный, сытый и временно прирученный домашний кот.

— Ваша прическа, принц Киран, признаться честно, сегодня пугает даже замковые гобелены, — лукаво подмигнула ему Лилиан, отступая назад к дверям с легким румянцем на щеках. — Ну вот, теперь вы оба выглядите в точности так, как и подобает истинным королевским особам перед важным обедом. Пойду, пожалуй, попрошу слуг принести нам свежий чай.

Когда ее воздушные юбки с тихим, кокетливым шуршанием скрылись за поворотом коридора, венценосные братья еще долго сидели в тишине. Наука и инстинкты Оботорнии были окончательно и бесповоротно разгромлены одной хрупкой оллернской принцессой, которая даже не прибегла к магии своего голоса.

Поздним вечером, когда утомленная девушка ушла в свои покои, Гаррет и Киран заперлись в оружейной. Киран с яростной страстью крушил деревянную мишень, метая в нее острые топорики, а Гаррет с хмурым видом истинного страста изучал карту пограничных поставок овса.

— Она определенно сводит меня с ума, Гарри, — глухо, с поистине трагическим вздохом произнес Киран, запуская очередной топор точно в многострадальное «яблочко». — Ты видел, как она сегодня бесцеремонно трогала мои волосы? У меня внутри, клянусь богами, чуть волк наружу не выскочил от чистейшего восторга! Она ведь такая маленькая, пахнет прохладной мятой, но в ней с каждым днем появляется столько... чертовски манящей силы. Она больше не боится нас, брат.

— Да, это очевидно, — отозвался Гаррет.

С усталостью он снял очки и принялся потирать переносицу.

— Наша маленькая принцесса меняется. И знаешь, Киран, чем она пленила меня? Вовсе не своей неоспоримой красотой. А тем, как она умеет слушать. Когда я говорю с ней, я впервые в жизни чувствую, что женщине действительно интересен мой разум и старинные хроники, а не только мой высокий статус наследного принца стаи. В этом чопорном Оллерне ее всю жизнь держали за пустое место и блеклую тень Беатрис. Это просто чудовищно.

— Мы ее ни за что и никому не отдадим, — Киран резко

развернулся на каблуках, и его янтарные глаза опасно, хищно блеснули в полумраке оружейной. — Даже если весь Ол-лерн приползет к нашим воротам на коленях и притащит всю свою казну! Но тот вчерашний поцелуй у двери... Я едва не сорвался, Гарри. Я испугал ее.

— Я видел это, — кивнул Гаррет. — И именно поэтому мы с тобой не станем торопить события. Ей необходим этот месяц, чтобы ее сердце поняло: мы — ее безопасность, а не угроза. Будем приручать нашу пушинку по капле. Один мимолетный взгляд, одно нечаянное прикосновение, круглосуточная забота. Она должна сама, добровольно захотеть остаться с нами. Полностью и навсегда.

Леди Клодия, высокородная фаворитка короля, за долгие годы беспринципной службы у трона привыкла быть единственной женщиной, к чьему капризному мнению прислушивались в этом замке. Появление молодой принцессы ее тревожило, но действовать грубо и устраивать скандалы она не собиралась — в конце концов, она была опытной придворной дамой с солидным стажем интриг.

На следующий день Клодия нагнала Лириан в полутемной портретной галерее, где предки-оборотни взирали со стен на живых с чисто гастрономическим интересом. В руках фаворитка держала изящную серебряную корзинку с засахаренным миндалем, который должен был послужить сладкой приманкой.

— Ах, милая, драгоценная Лилиан, — мягко и певуче, точно лесная сирена, заговорила Клодия, плавно пристраиваясь рядом и шурша шелком. — Рассматриваете эти ужасающие портреты? Наш грозный король Бран в молодости был суров. Вы знаете, дорогая, я так искренне, так глубоко переживаю за вашу судьбу! Оборотни — прекрасные воины, но их дикая натура... О, они безжалостно берут все, что хотят, пока горит их первая, неистовая страсть. А потом они остывают и с легким сердцем возвращаются к своим лесам, набегам и охоте. Боюсь, для вашей хрупкой, робкой и столь изнеженной оллернской души эта варварская земля быстро станет слишком холодной. Здесь так легко затеряться и стать просто... блеклой тенью на фоне их величавого эгоизма. Если вам вдруг понадобится опытный женский совет, как выжить среди этих волков и окончательно не растерять себя — мои двери всегда открыты для вас.

Клодия произносила эту тираду с самым участливым, ласковым и почти материнским видом, но в глубине ее сузившихся зрачков сквозила тонкая, расчетливая шпилька. Фаворитка била по самому больному месту принцессы — по страху оказаться ненужной, незаметной и выброшенной на обочину чужой жизни. Клодия и не подозревала, что оллернская школа девушки была куда сильнее ее засахаренного миндаля.

Принцесса грациозно остановилась у огромного портрета одного из древних вожаков стаи, который взирал со холста

с таким видом, будто прикидывал калорийность присутствующих дам. Девушка не вздрогнула, не залилась слезами и не опустила голову, как сделала бы всего месяц назад. Внутри нее крепла новая, возвращенная заботой и поцелуями принцев уверенность. Она повернулась к Клодии и мягко, почти с искренним сочувствием улыбнулась:

— Благодарю вас за столь трогательную заботу о моем душевном здоровье, леди Клодия, — произнесла Лили.

Ее голос был ровным, но в нем звенела такая внутренняя сила, что фаворитка невольно переступила с ноги на ногу.

— Понимаете, оллернский дворец, где я имела удовольствие вырасти, научил меня одной истине: серые тени появляются лишь там, где отсутствует тепло. Но принцы Гаррет и Киран... о небеса, они смотрят на меня так, что я впервые в жизни чувствую себя под самым ярким, ослепительным солнцем. Их первобытное величие не пугает меня, леди Клодия, оно меня надежно защищает от любых сквозняков и... незваных советчиц. Так что, думаю, мне не придется здесь выживать, стиснув зубы. Я собираюсь в этом замке просто... жить. И радоваться каждому дню.

Фаворитка от такой изящной пощечины на секунду осеклась, смешно захлопнув рот, а ее идеальная, фарфоровая улыбка дрогнула и пошла трещинами. Она-то рассчитывала увидеть панику, замешательство или робкие слезы глупенькой маленькой девочки, но вместо этого с размаху наткнулась на непрошибаемую и умную оллернскую броню, укра-

шенную кружевами.

В этот самый пикантный момент из-за тяжелой портьеры галереи вышли Гаррет и Киран. Как выяснилось, они материализовались здесь минутой ранее и успели в полной мере насладиться финалом этого утонченного дамского поединка.

Горячий Киран уже всю хмурил свои густые брови, сжимая кулаки и будучи в полной боевой готовности со свойственной ему волчьей прямоотой высказать все, что он думает о ядовитых «советах» и засахаренном миндале. Однако Гаррет вовремя придержал брата за локоть. Они оба с замиранием сердца увидели, что их «пушинка» великолепно, с блеском справилась сама — без всякого мужского вмешательства, криков и уж тем более без магии своего волшебного голоса. Крепость не просто держала оборону, она перешла в контратаку.

— Лили, — Гаррет плавно подошел ближе, демонстрируя миру свою самую теплую мужскую улыбку и игнорируя натянутую, точно струна, леди Клодии.

Он взял изящную ручку принцессы и запечатлел на ее тонких пальчиках бесконечно нежный, томительный поцелуй.

— Наш повар по моему распоряжению как раз приготовил тот самый черничный чай, который ты просила сегодня утром. Пойдем в библиотеку?

— Идем, моя пушинка, — Киран бесцеремонно, с истинно волчьим собственническим инстинктом приобнял Лилиан за плечи, увлекая ее к выходу из галереи и попутно бро-

сив на застывшую фаворитку короткий, леденящий и весьма предупреждающий взгляд. — Хватит тебе скучать в этой унылой компании среди пыльных предков и старых картин.

Принцесса, уже уходя, умудрилась обернуться и с безупречным, поистине убийственным оллернским изяществом вежливо кивнула окаменевшей интриганке на прощание:

— Хорошего и продуктивного вам дня, леди Клодия. И сердечное спасибо за засахаренный миндаль, но я с недавних пор решительно предпочитаю свежие лесные ягоды.

Едва они вышли в просторный, залитый солнцем коридор замка, как Киран весело, оглушительно фыркнул на весь этаж и осторожно, любя взъерошил светлые волосы Лилиан своей огромной ладонью:

— Ну ты, пушинка, и дала ей от ворот поворот! Просто блеск! Без единого грубого слова или, а наша великая леди Клодия сейчас выглядит так, будто ей в серебряную корзинку вместо дорогого миндаля подсунули мешок сушеной и горькой полыни!

— Это называется утонченное воспитание, Киран, — рассмеялась девушка, чувствуя, как свободная ладонь Гаррета надежно сжимает ее пальцы. — В наших краях фрейлины прекрасно знают: иногда мягкое, вежливое женское слово бьет куда точнее любого охотничьего топора.

Гаррет остановился и посмотрел на нее с уважением и горячей гордостью:

— Ты поистине удивительная женщина. И с каждым но-

вым днем ты удивляешь нас все больше и больше.

Младшая принцесса смущенно, но счастливо улыбнулась под прикрытием своих длинных ресниц, прижимаясь ближе к надежному, теплему плечу Кирана. Ее первая маленькая победа над опасной придворной интриганкой — и, что самое главное, совершенная без использования ее тайного волшебного дара — доказала ей самой важную истину. Она сильна и прекрасна сама по себе, даже без магии голоса. Ей больше не нужно бояться одиночества, пока рядом есть двое могучих волков, которые верят в нее и готовы защищать ее покой до последнего вздоха.

Глава 8

Леди Клодия со скоростью опытного бухгалтера подвела итог: оллернская принцесса оказалась вовсе не трепетной ланью в шелках, а вполне себе розой с шипами. Все изящные шпильки отскакивали от этой девицы, как горох от стенки — спасибо великой силе любви, которая соорудила вокруг девчонки непробиваемый фасад.

Поняв, что мелкие пакости не работают, фаворитка решила достать из рукава козырную карту. Крупную, опасную и пахнущую большими неприятностями.

В замок Оботорней как раз заявили послы из Южного Султана. На повестке дня стоял контракт века: перевозка специй и шелка через горные перевалы местных оборотней. Клодия, у которой в южных краях были свои «проверенные человечки», шепнула на ушко главе делегации — напыщенному визирю Саиду — одну маленькую, но ценную деталь. А именно: король Бран заводится с пол-оборота.

План сиял гениальной простотой. Развести старого волка на скандал. Похоронить выгодный контракт. Выставить принцев полными идиотами, не способными уследить за порядком и намекнуть всем вокруг, что от новой человеческой принцессы одни беды.

На официальном приеме в зале заседаний воздух можно

было резать ножом. Саид, завернутый в тонны дорогушей парчи и благоухающий сандалом так, словно его только что окунули в чан с духами, вальяжно развалился в кресле.

— Королевство Оботорней явно переоценивает свои скромные услуги, — процедил визирь с миной человека, которому подсунули несвежую устрицу. — Мой султан не намерен раскошелиться ради того, чтобы его караваны просто любовались на ваши унылые серые скалы. Либо вы сбрасываете пошлину втрое, Ваше Величество, либо наши ятаганы прорубят другой маршрут. А ваши южные границы останутся без гроша и без припасов.

Король Бран вскочил так резко, что шкура полярного медведя уныло сползла с его плеч на пол. Из королевской груди вырвался рык. Глаза вожака вспыхнули нехорошим янтарным пламенем, обещавшим визирю крупные неприятности.

— Ты вздумал угрожать мне в моем же доме, павлин южный?! — громыхнул Бран, вонзая когти в подлокотник несчастного трона. — Да мои ребята перекусают ваших погонщиков быстрее, чем вы вспомните, в какой карман засунули свои ятаганы!

Принцы Гаррет и Киран дружно подобрались. Братья были готовы прикрыть отцовские тылы, но в их умных головах уже вовсю тикал калькулятор: если папаша сейчас объявит войну, Оботорния увязнет в таком долгом и кровавом болоте, что на новые игрушки денег точно не останется. На балконе, скрытая уютной тенью, Клодия уже мысленно откупо-

ривала победное шампанское и репетировала триумфальную улыбку.

Лилиан тем временем сидела среди придворных дам, изображая невинность в полупрозрачном платье цвета ночной фиалки. Тонкая ткань так бесстыдно облипала ее бедра и плечи, что становилось понятно: этот подарок принцев преследовал исключительно корыстные цели. Братья, собственно, весь вечер и бросали на нее такие голодные взгляды, будто прикидывали, с какого бока ее начать кусать.

Поняв, что старый альфа-самец вот-вот совершит самую дорогую ошибку в своей карьере, Лилиан решила: пора брать дело в свои нежные руки. Ее дар работал строго один раз в сутки, и лучшего повода потратить его явно не предвиделось.

Она с кошачьей грацией потянулась за хрустальным кубком с шербетом, разыграв классическую комедию «ой, я случайно задела его шелковым платочком». Кубок со звоном покатился по столу, устроив небольшой погром. Все, включая разъяренного короля, инстинктивно повернулись на этот шум — женщины и посуда всегда отлично отвлекали мужчин от драк.

Пользуясь этой секундной паузой, Лилиан элегантно прикрыла лицо веером, зажмурилась и прошептала, уставившись гипнотическим взглядом прямо на визиря Саида:

— Вы согласитесь на все условия короля Брана. Вы осознаете, что этот договор — лучшая сделка в истории вашего

Султаната, и подпишете его прямо сейчас, — мысленно командовала Лилиан.

Для остальной публики этот шепот был тише мышино-го писка, но несчастному Саиду он прилетел прямо в череп с мощностью церковного колокола. Визирь резко дернулся, словно его шарахнуло током. Весь его южный пафос мигом испарился, а на лбу выступил крупный пот.

Моргнув пару раз с видом человека, которого только что выдернули из глубокого летаргического сна, Саид судорожно вскочил и отвесил королю такой низкий поклон, что едва не пересчитал носом паркет.

— Ваше Величество... Кхм, бес попутал, простите мою наглость! — зачастил визирь, растеряв всю свою вальяжность. — Мой султан спит и видит, как бы выразить глубочайшее почтение Оботорнии. Мы согласны на все! Ваша пошлина — просто образец справедливости и милосердия. Дайте сюда перо, я подпишу эти бумаги прямо сейчас, пока не передумал!

Король Бран подавился собственным рыком и застыл с открытым ртом, напоминая большую пушистую статую. Он ошарашенно переводил взгляд с визиря на договор, пока Саид с благовейным трепетом выуживал из кармана перо. Весь процесс капитуляции занял ровно шестьдесят секунд. На балконе Клодия издала тихий звук, похожий на свист спускающего колеса, и схватилась за перила, чтобы не упасть от ярости — ее гениальный план накрылся медным тазом.

Впрочем, старый Бран, несмотря на весь свой грозный вид, дураком никогда не был. Чутье матерого альфы подсказало ему: в этой комнате только что произошло чудо, причем явно не божественного происхождения. Он отчетливо уловил, как странно завибрировал воздух вокруг стола, и заметил, как в глазах младшей принцессы Оллерна на долю секунды вспыхнули очень подозрительные, совсем не девичьи серебряные искорки.

Поздней ночью Бран устроил сыновьям закрытое совещание в своем кабинете.

— Так, в зале заседаний творилась какая-то чертовщина, — хмуро буркнул король, яростно раскуривая трубку и окутываясь дымом, как рассерженный джинн. — Этот Саид упрям, как стадо недодоенных мулов. Он бы не сломался от одного моего рыка, я свой голос знаю. В тот момент в воздухе пахло... чужой силой. Женской, тонкой, но убойной, как хороший коньяк. И шло это от дочки Томаса. Короче, задача: разузнайте у нее все. Включайте обаяние, плетите интриги, применяйте ласку — мне плевать. Я обязан знать, что за чудо-оружие поселилось в моем замке.

Принцы вышли от отца, но устраивать шпионские игры не стали. Во-первых, они любили Лилиан, а во-вторых, прекрасно понимали, что женская интуиция раскусит их хитрые планы за две секунды. Поэтому они решили пойти ва-банк и заявилися напрямиком в ее спальню.

Принцесса сидела у камина, устроив себе сеанс вечер-

ней красоты: она расчесывала светлые волосы, облаченная в шелковую ночную сорочку на таких тонких лямках, которые держались, кажется, на одном честном слове. В уютном полумраке шелк вел себя крайне нескромно, облекая ее грудь и тонкую талию так, что у мужчин обычно отключался здравый смысл.

Когда братья переступили порог, Киран шумно сглотнул, внезапно забыв, как дышать, а Гаррет на секунду потерял дар речи и судорожно поправил очки, которые от такой картины едва не запотели.

— Лили, — Гаррет первым взял себя в руки (хотя руки слегка дрожали), присел на край ее кресла и осторожно взял ее за руку.

Его пальцы принялись медленно и чертовски нежно поглаживать ее запястье, плавно поднимаясь к предплечью. Лилиан смущенно вздрогнула от этого внезапного прилива тепла, но отнимать руку не стала — тактильный контакт ей, в общем-то, нравился.

— Отец понял, что на совете ты устроила сеанс гипноза, — мягко сказал Гаррет, не переставая наглаживать ее кожу. — Он отправил нас работать шпионами и выведывать твои секреты. Но мы не хотим держать тебя за дурочку и играть в прятки. Выкладывай, милая, что это за фокус был?

Девушка перевела взгляд с убийственно серьезного Гаррета на Кирана, который уже успел устроиться у ее ног. Свои огромные ладони он без лишних церемоний пристроил на ее

бедра, обтянутые тем самым предательски тонким шелком. От такой зашкаливающей концентрации мужского тепла и близости у Лилиан внутри сладко екнуло. Она окончательно поняла: скрываться дальше бессмысленно, эти двое перешли в статус ее личной и самой любимой семьи.

— Ладно, сдаюсь, это мой приз по праву рождения, — честно призналась она, поочередно заглядывая в их глаза. — Раз в сутки мой голос превращается в оружие: я могу заставить любого поверить мне или мгновенно успокоиться. Я просто спасла Оботорнию от разорительной войны с южанами. Клодия пыталась подставить нас всех и подговорила ви-зи-ря, как лучше взбесить нашего папу.

Киран издал тихий рык, но в нем слышалась не злость, а чистейший мужской восторг. Его ладони сжали ее бедра чуть крепче, собственническим жестом притягивая девушку ближе к себе.

— Боги, пушинка... — выдохнул он, глядя на нее так, словно она была горой чистого золота. — Так ты у нас не просто комнатная роза, ты целое тайное оружие в одном флаконе! И ты провернула этот трюк ради нас?

— Ради нашей стаи, — прошептала Лилиан, чувствуя, как ее щеки заливают густой, совершенно недипломатичный румянец.

Когда принцы без утайки пересказали этот детектив отцу, старый Бран пришел в такой неопи-сую-мый восторг, что едва

не снес мебель. Он с грохотом хлопнул ладонью по дубовому столу и захохотал на весь замок:

— Ха-ха-ха! Девчонка развела на деньги и подписи южного визиря, попутно спасши мою королевскую шкуру от глупейшей войны?! Так, держать этот фокус в строжайшем секрете! Оллерн презентовал нам настоящее сокровище, даже не сообразив, какую бомбу отдает! Клодию — немедленно упаковать и сослать в самое глухое и пыльное поместье за государственную измену, чтобы я ее наглуую физиономию больше не видел. А Лилиан... Лилиан — прирожденная королева для моих мальчиков!

После грандиозного провала леди Клодия испарилась из замка со скоростью утреннего тумана, а принцесса окончательно прибрала к рукам статус полноправной хозяйки. Тайны между ней и принцами закончились, и у братьев наконец-то оказались развязаны руки — причем в самом заманчивом смысле. Месяц подходил к концу, и их процесс «приручения дикой принцессы» капля за каплей перерастал в нечто настолько горячее, что впору было вызывать пожарных.

На следующий день троица устроила пикник у дальнего озера, спрятанного в скалах. Водичка там была курортная — теплая благодаря подземным термальным источникам, идеальное место для водных процедур без лишних глаз.

— Ну же, пушинка, смелее, акул здесь нет, я проверял!

— Киран уже успел избавиться от рубашки и теперь стоял по пояс в воде, наглядно демонстрируя безупречный торс с кубиками пресса и перекатывающимися мышцами, от которых захватывало дух. Он призывно протянул к ней руки, как большой плюшевый медведь.

Лилиан, оставшись в одном легком нижнем платье из тончайшего белого льна, нерешительно переминалась с ноги на ногу на берегу, борясь с остатками девичьей скромности. В этот момент Гаррет бесшумно зашел с тыла.

Его горячие ладони легли на ее обнаженные плечи и поползли вниз по спине, пересчитывая каждый изгиб позвоночника. По телу Лилиан тут же галопом пронеслись табуны мурашек, а дыхание перехватило. Гаррет собственнически прижал ее спиной к своей широкой груди, а его губы принялись исследовать ее шею, оставляя за собой дорожку влажных, обжигающих поцелуев, от которых колени девушки превратились в желе.

— Ты просто невероятно прекрасна, Лили, — прошептал Гаррет прямо в ее приоткрытые губы, плавно разворачивая лицо к себе.

Их поцелуй вышел глубоким, жадным и по-настоящему хозяйским, но при этом полным такой ошеломительной нежности, что у девушки закружилась голова. Озерные брызги коварно сделали свое дело: тонкий белый лен платья промок, предательски облепил фигуру и выставил на обозрение принцев все соблазнительные контуры ее груди, на кото-

рой от прохладного воздуха весьма красноречиво потемнели соски. Мужские взгляды тут же потяжелели, обещая, что сухой из воды Лилиан сегодня точно не выйти.

Киран не выдержал этого парада соблазна, сорвался с места и одним махом подхватил девушку на руки, увлекая ее в теплую воду прямо в мокром платье. Лилиан пискнула от неожиданности и на всякий случай крепко обвила его шею руками, чтобы не пойти ко дну.

В воде их тела переплелись так тесно, что между ними не просочился бы и лист бумаги. Киран решительно прижал ее к гладкому каменистому выступу, и его горячие губы принялись жадно пить ее вздохи, пока ладони под водой уверенно осваивали территорию бедер, упрямо подтягивая мокрый лен платья все выше и выше — к полному восторгу местной фауны.

Гаррет, не желая оставаться на скамейке запасных, бесшумно подплыл со спины. Его сильные руки замкнули кольцо объятий, пальцы переплелись с ее тонкими пальцами, а губы нашли уязвимое местечко на нежном плече, устроив там персональный филиал рая.

— Вы... вы просто невыносимы! Два наглых, невоспитанных волка! — прерывисто выдохнула Лилиан в перерыве между поцелуями.

Она честно попыталась включить режим строгой оллернской принцессы, но внутренний навигатор окончательно сбился: пальцы вопреки здравому смыслу сами зарылись в

мокрые волосы Кирана, притягивая этого наглеца еще ближе.

— Мы просто забираем то, что принадлежит нам по закону и по праву безумной любви, пушинка, — самодовольно ухмыльнулся Киран, прямо в процессе речи перемещая свои поцелуи в головокружительную ложбинку между грудей.

Ночью, ворочаясь в королевских шелках, Лилиан устроила своим мыслям настоящий разбор полетов. Уснуть не получалось: кожа до сих пор горела от горячих ладоней братьев, губы помнили вкус их поцелуев, а в голове настойчиво крутились воспоминания о той первобытной страсти, которая просыпалась в этих мужчинах во время ласк. В такие моменты они становились похожи на голодных хищников перед шведским столом, где главным блюдом была она сама.

Внутри ее нежной девичьей души вяло шевелилась легкая драма. Еще пару месяцев назад она, скромная затворница, всерьез паковала чемоданы в монастырь, морально готовясь к тихой жизни, скучным молитвам и полному отсутствию мужчин. А теперь? Теперь она умудрилась поделить свое сердце (и судьбу в придачу) сразу с двумя гигантскими оборотнями. Это шло вразрез со всеми правилами приличия, переворачивало ее внутренний мир с ног на голову и пробуждало такую чувственность, о существовании которой она даже не догадывалась.

Новые ощущения, конечно, пугали своей силой. От одной

только мысли о грядущей свадьбе, где ей придется сказать «да» сразу двоим, пульс подскакивал до неприличных высот.

Но, положив руку на сердце, этот страх больше не вызывал желания сбежать через окно. Он стал сладким, волнующим и манящим — как предвкушение запретного десерта ночью. Лилиан счастливо улыбнулась темноте, покрепче обняла подушку и поймала себя на мысли, что ждет не дождется утра. Ведь рассвет гарантированно принесет ей встречу с двумя парами безумно влюбленных, преданных и очень голодных волчьих глаз.

Глава 9

До официального дня свадьбы оставалась всего неделя, и замок Оботорней окончательно превратился в сумасшедший дом на выезде. Но больше всего Лилиан пугал вовсе не масштаб грядущей пьянки, а то, что принцы легким движением руки решили полностью аннулировать ее гардероб, заменив его на что-то более подходящее для суровых местных реалий.

Ранним утром в ее покои без стука ввалились Киран, Гаррет и совершенно новый персонаж — мастер Торвальд. Это был пожилой оборотень-рысь с такими кустистыми бровями, что за ними едва проглядывали глаза, чуткими ушками с кисточками и манерами самого дотошного кутюрье с мировым именем. Следом за этой троицей слуги с натужным кряхтением внесли два огромных сундука.

— Так, пушинка, время модных реформ, — провозгласил Киран, по-хозяйски устраиваясь на подоконнике и скрещая руки на своей широченной груди. — Твои оллернские платья с кринолинами, обручами и шлейфами — это, конечно, роскошно для паркета. Но в наших горах в таком прикиде ты либо запутаешься в первых же кустах ежевики, либо эпично улетишь с обрыва при первом же приличном порыве ветра. Короче, мы заказали тебе нормальные шмотки.

— Киран прав, Лили, — мягко поддакнул Гаррет, решив подойти к вопросу с дипломатической стороны.

Он плавно приблизился к принцессе, взял ее за руку и подвел к зеркалу. Его пальцы на долю секунды интимно и чертовски нежно сжали ее ладонь, заставив принцессу по старой доброй привычке покрыться приятным румянцем.

— Наш быт требует свободы движений и готовности к сюрпризам. Торвальд учел все традиции Оботорней, но сделал наряды максимально удобными для жизни, а не для стояния на пьедестале.

Мастер Торвальд тем временем критически, словно заправский мясник на рынке, оглядел фигуру Лилиан и с угрожающим видом выуживал из кармана мерную ленту:

— Эти ваши оллернские корсеты — это же форменное преступление против легких и здравого смысла! — проворчал старый рысь, качая головой. — Настоящая принцесса Оботорней должна дышать полной грудью, резво скакать на лошади и уверенно держаться в седле, а не падать в обморок от нехватки кислорода. А ну-ка, выпрямите спину, Ваше Высочество, сейчас мы будем делать из вас человека!

Первый же наряд, который Лилиан примерила под бдительным надзором рысьих бровей, вызвал у нее дикий, неопиcуемый восторг. Вместо привычного стокилограммового бального торта ее упаковали в удобный костюм цвета спелой лесной черники. Анатомия наряда была гениальной: плотные, соблазнительно облегающие эластичные брючки,

поверх которых кокетливо пристроилась короткая юбка до колен, абсолютно не мешающая делать широкие шаги. Корсаж оказался плотным, но на удивление мягким — никаких удушающих китовых усов и стальных костей, врезающихся в ребра. Короной этого швейного шедевра стал легкий кожаный жилет, снабженный кучей удобных внутренних карманов, куда при желании можно было спрятать пару кинжалов, помаду и записку от мужей.

Когда девушка с опаской вынырнула из-за ширмы, она озорно крутанулась на месте, оценивая, как задорно колыхнется юбка.

— Боги, да в этой одежде можно не просто ходить, в ней можно даже бегать от кредиторов и диких зверей! — восхитилась она. Ее глаза буквально сияли от невиданного ранее чувства свободы.

Киран выдал долгий, чисто мужской и крайне одобрительный присвист, а Гаррет довольно ухмыльнулся, привычным жестом поправляя сползающие очки. Он шагнул к ней и расправил воротничок нового жилета.

— Тебе идет, милая, — мягко резюмировал Гаррет. — Теперь ты укомплектована и готова к любым прогулкам по нашим скалам.

Наконец-то отбившись от примерки и швейных булавок, Лилиан решила устроить себе ознакомительную экскурсию по замку. Ноги сами привели ее на королевскую кухню, раз-

меры которой напоминали стадион. Ей жуть как хотелось поближе познакомиться с местным персоналом и разузнать, чем дышит ее новый дом.

Шеф-повар замка, необъятны размеров оборотень-медведь по имени мастер Бальтазар, с видом сурового скульптора как раз раскатывал скалкой тонну теста для свадебных пирогов. Вокруг этого кулинарного гиганта на сверхзвуковых скоростях сутились горничные и повара. На общем фоне особенно выделялась Марта — бойкая молодая волчица, которая умудрялась одновременно раздавать всем ценные указания и так энергично вилить своим пушистым серым хвостом, что от него исходил легкий освежающий ветерок.

— О, наша маленькая хозяйка пришла! — громогласно пробасил Бальтазар, едва заведя принцессу в новый черничный костюм с брючками.

Гигант уважительно согнулся в поклоне, отчего его огромный поварской колпак совершил пируэт и съехал на левое ухо, придав грозному медведю вид слегка помятого шеф-повара после тяжелой смены.

— Какая неописуемая честь для нашего кулинарного цеха!

— Здравствуйте, мастер Бальтазар, привет, Марта, — мягко улыбнулась Лилиан, чувствуя себя в этой компании на удивление уютно. — Я тут подумала... может, вам помочь чем-нибудь? В моем родном Оллерне за попытку прорваться на кухню мне бы устроили лекцию о дворцовом этикете

часа на три, но я на самом деле безумно люблю возиться с выпечкой.

Горничные от такой королевской простоты дружно и преданно зашевелили ушками, окончательно растаяв. Марта всплеснула руками, а ее серый хвост развил под форменной юбкой такую скорость, что в помещении, кажется, заработал невидимый вентилятор.

— Да бог с вами, леди Лилиан! — запричитала волчица. — Мы тут сами все разнесем и заново построим, это наша работа. Но раз уж вы заглянули на огонек, падайте скорее за стол! Бальтазар только-только выудил из печки те самые убойные булочки с брусникой, которые вы так аппетитно наминали на днях.

Девушка с чистой совестью устроилась на деревянной скамье. Девчонки-горничные со скоростью профессиональных фокусников убрали со стола лишнюю муку и выставили перед ней чашку с дымящимся, одуряюще пахнущим травяным чаем. Марта хвостиком пристроилась на краешке соседнего стула, готовая выдать свежую порцию замковых новостей:

— У нас тут, леди, сейчас натуральный бедлам, весь замок на ушах стоит. Столяры во дворе колотят столы для пира с таким рвением, будто строят оборонительную крепость. Ткачи без сна и отдыха выдают праздничные гобелены километрами. Но вы не думайте, мы все безумно рады вашему появлению! Про олленских принцесс у нас такие ужасы рас-

сказывали — мол, они чопорные, замороженные и общаются исключительно через губу. А вы у нас... ну, настоящая! Живая, теплая и без этих дурацких столичных замашек.

Лилиан лениво потягивала чай, с удовольствием вникая в местный колорит: девчонки наперебой спорили о секретах консервации на зиму и правильной пропорции сахара в брусничном варенье. Внутри у принцессы разливалось какое-то совершенно новое, приятное чувство собственной нужности. Здесь ее не пытались запихнуть в темный угол и сделать удобной деталью интерьера. Обитатели этого сурового, пропахшего шерстью и скалами замка искренне хотели с ней дружить.

Вечером, после насыщенного булочками и сплетнями дня, принцы по старой доброй традиции конвоировали Лилиан до дверей спальни. Для ночного отдыха принцесса облачилась в простое, закрытое со всех стратегических сторон, но от этого не менее изящное платье из мягчайшего белого хлопка. Выглядела она как ангел, который случайно забрел в логово к хищникам.

Они затормозили у дверей в полутемном коридоре, где атмосфера располагала к чему угодно, только не к невинным разговорам о брусничном варенье. Киран решил долго не раскачиваться, сделал шаг вперед и по-хозяйски сгреб невесту в охапку, обнимая за талию и крепко прижимая к своему раскаленному торсу. Его огромная ладонь нежно проехала по спине, заставив девушку расплыться в приятной истоме,

как шоколадка на солнце. Наклонившись, он выдал ей долгий, теплый поцелуй, который умопомрачительно пах лесной свежестью. Лилиан смущенно зажмурилась, а ее пальцы робко вцепились в его широкие плечи — чисто для удержания равновесия.

Гаррет, естественно, не собирался стоять в сторонке с видом обиженного родственника. Он зашел с другого фланга, заправил непослушную светлую прядь ей за ушко, а его пальцы медленно и чертовски профессионально очертили линию ее подбородка, заставляя поднять лицо. Его поцелуй оказался глубоким, уверенным и настолько собственническим, что у Лилиан в голове замигал сигнал «кажется, меня сейчас съедят». В процессе Гаррет нежно поглаживал ее шею, окончательно отключая у принцессы остатки критического мышления.

От такой двойной, обволакивающей со всех сторон мужской заботы у принцессы сладко закружилась голова, а земля под ногами куда-то уплыла. В какой-то момент Киран, у которого от близости любимой женщины окончательно сорвало резьбу, прижал ее к себе чуть крепче, чем планировал. Из его могучей груди вырвался низкий, вибрирующий волчий рык — натуральный привет от его дикой пушистой природы.

Лилиан инстинктивно вздрогнула, и в ее глазах на секунду мелькнул вполне логичный испуг перед этой первобытной мощью оборотня. Все-таки одно дело — обниматься в коридоре, и совсем другое — когда твой жених звучит как

рассерженный лев.

Гаррет тут же просек ее замешательство. Среагировав со скоростью опытного укротителя, он мягко, но вполне весомо уперся ладонью в грудь брата, отодвигая его на безопасное расстояние:

— Киран, остынь и выключи режим зверя.

Киран мигом затормозил и отпустил Лилиан, дыша при этом как марафонец на финише. В его янтарных глазах первобытная страсть за секунду сменилась виноватым выражением побитой собаки, которая случайно сгрызла любимый хозяйский тапок. Он осторожно, словно она была из тончайшего хрусталя, коснулся ладонью ее пылающей щеки:

— Прости, пушинка. Мой внутренний волк при виде тебя напрочь теряет остатки самообладания и забывает, что ты у нас девушка нежная. Доброй ночи.

Гаррет, закрепив терапевтический эффект, оставил на ее лбу легкий, чисто успокаивающий поцелуй — вместо валерьянки. После этого братья неторопливо пошагали по коридору, на ходу переключаясь на обсуждение завтрашних поставок сена и гобеленов, будто минуту назад они не пытались устроить здесь филиал брачной ночи.

Лилиан юркнула в спальню, с грохотом закрыла дверь, прижалась к ней спиной и сделала такой глубокий вдох, словно только что выныривала из Марианской впадины. Сердце колотилось в сумасшедшем ритме, отбивая чечетку где-то в районе горла.

Кое-как добравшись до кровати, она залезла под тяжелое меховое одеяло, но сон, естественно, помахал ей ручкой. Девушка усердно ворочалась с боку на бок, гипнотизируя взглядом угасающие угольки в камине. Внутри ее хрупкого девичьего организма бушевал натуральный тайфун из новых, пугающих, но манящих ощущений.

Ей, конечно, было немного боязно перед грядущим будущим (все-таки два мужа-оборотня — это вам не шутки). Но этот страх оказался на редкость приятным бонусом. Лилиан блаженно улыбнулась темноте, покрепче свила гнездо из подушек и окончательно осознала: она с огромным, восторгом ждет завтрашнего утра. Ведь эта удивительная история только начиналась.

Глава 10

День свадьбы ворвался в замок Оботорней вместе с пронзительно синим небом и таким оглушительным трезвонном серебряных колоколов, что у местных птиц явно случился стресс. Во дворе замка всюду кипела работа: слуги с грохотом расставляли столы из сурового темного дуба, способные выдержать любой катаклизм, а повара под чутким и грозным руководством медведя Бальтазара запекали целых кабанов и пекли брусничные пироги в промышленных масштабах. Судя по запахам, Оботорния планировала гулять так, чтобы об этом услышали даже в соседних королевствах.

Лилиан тем временем гипнотизировала свое отражение в большом зеркале. Старый рысь Торвальд превзошел сам себя и совершил швейную революцию: свадебный прикид принцессы соорудили из тончайшей шерсти цвета свежеспавшего снега, щедро расшив ее серебряными нитями. И — о чудо! — никаких удушающих обручей, кринолинов и корсетов. Юбка мягкими волнами ниспадала до самой брусчатки, поверх нее красовался изящный приталенный жилет с кокетливой меховой опушкой, а под юбкой — верная своему новому экстремальному стилю — Лилиан надежно спрятала удобные белые брючки. Мало ли, вдруг от мужей придется бегать прямо во время банкета.

В дверь постучали с такой настойчивостью, будто за ней стоял судебный пристав. На пороге нарисовался старый король Бран. Сегодня он превзошел самого себя по части пафоса и выглядел чертовски величественно в парадном волчьем плаще. Король царственным жестом выставил из покоев притихших служанок, запер дверь на засов и критически оглядел принцессу с ног до головы.

— Ну что, оллернская роза, — Бран подошел ближе, и в его суровых глазах матерого вожака промелькнула редкая, почти родительская теплота. — Сегодня ты официально подписываешь контракт с нашей стаей. Мои мальчишки, к слову, извелись до полной профнепригодности. Киран с самого утра на нервной почве сломал три тренировочных меча, а Гаррет умудрился дважды перепутать пункты в свадебном манифесте, что для его занудного мозга вообще нонсенс. Короче, девчонка, ты сотворила с ними какое-то чудо.

— Я просто... полюбила их, Ваше Величество, — тихо, но с абсолютной уверенностью ответила Лилиан, расправляя серебряную вышивку на жилете.

— Знаю, — хмыкнул король Бран, засовывая руку в бездонный карман своего плаща.

Спустя секунду он извлек оттуда увесистый, довольно грубо обтесанный деревянный футляр, который выглядел так, будто его делали при помощи топора и суровых волчьих заклиний.

— Это мой личный подарок тебе. Не официальная бижу-

терия от короны для протокола, а нормальный презент от отца, который ценит твой характер.

Принцесса с величайшей осторожностью приподняла крышку брутальной шкатулки и от удивления чуть не выронила ее из рук. На черном бархате, сверкая в лучах утреннего солнца, покоились... две увесистые серебряные шпоры и старинный, покрытый загадочными рунами охотничий свисток, выточенный из кости мамонта.

— Шпоры? И свисток? — захлопала ресницами принцесса, переведя ошарашенный взгляд на свекра. — Но, Ваше Величество, я вроде как не планировала открывать кавалерийскую школу...

— Это не для лошадей, девочка моя, это пульт управления моими сыновьями, — Бран широко ухмыльнулся, и его клыки задорно блеснули, придав королю вид крайне довольного жизнью интригана. — Если эти двое балбесов когда-нибудь напрочь позабудут о хороших манерах, начнут делить территорию, рычать друг на друга или слишком сильно увлекутся своей дикой волчьей натурой — просто дунь в этот свисток. Гарантирую: от этого звука у них сработает инстинкт старой отцовской дрессуры, и они мгновенно сядут на хвост с самым виноватым видом. А шпоры... ну, это элемент мягкого внушения на случай, если они откажутся мирно делить место у твоей кровати. Поверь моему опыту, женщина в Оботорнии просто обязана уметь вовремя и больно щелкнуть волка по носу. Держи, ты эту амуницию честно заслужила.

Лилиан не выдержала и искренне, звонко рассмеялась на всю комнату, бережно прижимая этот противоволчий комплект к груди:

— Спасибо, отец. Обещаю пускать это оружие в ход только в случаях крайней необходимости и во время особо буйных семейных разборок.

Сама церемония развернулась на священной скале прямо над головокружительным обрывом, откуда открывался шикарный вид, а ветер щедро доносил до гостей ароматы вековой тайги и шашлыков. Под пристальными взглядами придворных, суровых шаманов в перьях и толпы брутальных воинов Лилиан шла к алтарю твердой, уверенной походкой топ-модели на важном показе. Оллернская робость и желание спрятаться в шкаф окончательно испарились, уступив место настоящей королевской стати и легкой иронии в глазах.

У алтаря ее ждал главный приз этой лотереи. Гаррет и Киран. Оба брата вырядились в белоснежные парадные кафтаны и выглядели настолько подтянутыми, серьезными и фотогеничными, что их можно было смело печатать на обложке дамского романа. Они смотрели на свою приближающуюся невесту с таким замиранием сердца, будто боялись, что она передумает и улетит обратно в Оллерн на первом же попутном дирижабле.

Когда девушка наконец дошагала до финиша, братья син-

хронно, словно репетировали этот жест перед зеркалом весь месяц, протянули ей руки. И принцесса, ни секунды не сомневаясь, вложила свои ладошки в их огромные, горячие и надежные лапы.

Шаман с глубоким вдохом затянул древнюю песнь сопряжения душ, которая по тональности напоминала завывание мартовского кота в пустом колодце. По суровым местным законам, принцы принялись по очереди окольцовывать свою добычу. Гаррет с поистине профессорским видом нацепил ей на палец кольцо с прозрачным горным хрусталем, прозрачно намекающим на разум. Киран же, едва не сломав Лириан сустав от избытка чувств, водрузил перстень с огненным янтарем — официальным спонсором их будущей страсти.

— Клянешься ли ты, женщина, любить, кормить брусничными пирогами и беречь этих двух оболтусов? — зычно поинтересовался шаман, потряхивая ритуальным бубном.

Принцесса ласково посмотрела на братьев. Перед глазами на долю секунды прокрутился унылый диафильм ее прошлой жизни: ледники родного Оллерна, вечно недовольные мины родителей, которые замечали ее только тогда, когда нужно было вытереть пыль в тронном зале, и тотальное одиночество. А потом на контрасте вспомнился этот безумный месяц в Оботорнии, где ее полюбили. Внутри принцессы поднялась мощная, теплая волна счастья.

— Клянусь, куда я теперь от них денусь, — твердо и с

легкой улыбкой произнесла Лилиан.

И в эту минуту ее голос, чистый, звонкий и на этот раз без всякой магии, так эпично разнесся над скалами, что у половины присутствующих воинов-оборотней подозрительно зачесались затылки от внезапного прилива собачьей преданности к новой хозяйке.

Свадебный банкет гремел так, что Оботорнию, кажется, было слышно на Луне. Музыка ревела, пиво лилось рекой, суровые воины травили анекдоты категории «Б», а Бальтазар едва успевал выносить новые порции дичи.

Когда луна взобралась на самую макушку неба, работая официальным ночником для влюбленных, принцы наконец-то дезертировали с собственного банкета, утянув свою новоиспеченную супругу в брачные покои. Замковая тишина уютно упаковала комнату, а в камине мирно потрескивали дрова, заливая огромную постель мягким янтарным светом и намекая, что спать здесь сегодня точно никто не собирается.

Лилиан стояла у окна, делая вид, что ее безумно интересует ночная тайга. Парадный серебряный жилет и юбка уже сиротливо отдыхали на кресле, а сама принцесса осталась в тончайшей, полупрозрачной белой сорочке из хлопка. Ткань вела себя крайне нескромно: она мягко струилась по телу, крупным планом подчеркивая каждый изгиб ее фигуры и наглядно доказывая, что монастырь потерял первоклассные кадры.

Дверь тихо кликнула замком, отрезая их от остального мира. Братья надвигались на нее одновременно, как два профессиональных охотника на самую желанную добычу. В их глазах больше не было того мучительного режима ожидания, который они практиковали целый месяц. Тестовый период официально закончился, контракт был подписан, и теперь они имели полное, юридически заверенное право любить свою женщину на полную мощность.

Гаррет зашел со спины — классический маневр интеллектуала. Его большие, чертовски теплые ладони легли на ее обнаженные плечи и медленно поползли вниз по рукам, заставляя девушку сладко затрепетать и окончательно забыть оллернский этикет. Он наклонился и прижался губами к ее шее, шумно вдыхая родной запах мяты и лесной свежести.

— Наша, — тихо, с глубоким собственническим вздохом выдохнул он ей прямо в кожу. — Насовсем. Без права возврата и обмена.

Киран тем временем заблокировал ей пути к отступлению с фронта. Он взял ее лицо в свои огромные ладони, заставляя посмотреть прямо в его глаза, где сейчас полыхал такой янтарный пожар страсти, что впору было выбрасывать белый флаг.

— Ну что, пушинка, страх перед дикими волками окончательно ликвидирован? — спросил он, и его голос вибрировал на такой частоте, что у Лилиан поплыло перед глазами.

— Окончательно и бесповоротно, — прошептала Лилиан.

Ее пальцы вопреки остаткам логики сами уверенно зарылись в его светлые волосы, притягивая этого наглеца к себе. Киран дважды просить не заставил: он прильнул к ее губам таким глубоким и горячим поцелуем, что колени девушки превратились в желе, угрожая уронить ее на ковер.

Но упасть ей в этой комнате не светило физически — Гаррет надежно подстраховал со спины. Его сильные руки скользнули под тонкий, податливый хлопок сорочки, принимаясь ласкать нежную кожу бедер и уверенно поднимаясь выше, к талии, окончательно утягивая их маленькую принцессу в водоворот совершенно новой, дикой и безумно счастливой жизни.

Они бережно, словно величайшую драгоценность (или самый лакомый десерт в их жизни), перенесли ее на огромную кровать, утопающую в мягких мехах. Тонкая хлопковая сорочка предсказуемо капитулировала и бесшумно скользнула на пол. В уютном полумраке камина обнаженное тело выглядело настолько изящным и идеальным, что любой скульптор умер бы от зависти прямо на пороге.

Братья устроились по обе стороны от своей маленькой принцессы, беря ее в надежное, обволакивающее и чертовски горячее кольцо из мужских тел. Гаррет подошел к делу с чисто академическим азартом: его ласки были вкрадчивыми, продуманными до мелочей. Он методично изучал губами каждый сантиметр ее кожи, заставляя Лилиан тихо и прерывисто вздыхать, напрочь теряя связь с реальностью. Киран

же действовал по классической схеме «пришел, увидел, победил» — горячо, собственнически и с зашкаливающим напором. Его сильные пальцы переплелись с ее тонкими пальчиками, а поцелуи уверенно мигрировали от груди к животу, высекая внутри принцессы настоящие сладкие искры и доводя до состояния полной невесомости.

В какой-то момент, когда градус страсти в комнате пробил все мыслимые температурные рекорды, Киран не выдержал и выдал тихое, утробное волчье рычание, прижимаясь к ней всем своим тяжелым и рельефным телом.

Тут у Лилиан включился чисто женский азарт. Она озорно, со сбивающимся дыханием прошептала прямо в губы мужу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.